

Виктор Глумов

[СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ]
ВОПРЕКИ СУДЬБЕ

Апокалипсис-СТ

Виктор Глумов
Вопреки судьбе

«Автор»

2014

Глумов В.

Вопреки судьбе / В. Глумов — «Автор», 2014 — (Апокалипсис-СТ)

Сталкеры готовы к тому, что, уходя в Зону, они могут не вернуться, потому в исчезновениях людей нет ничего удивительного: погибший попал в ловушку или не справился с опасным мутантом – здесь нельзя расслабляться. Никто не догадывается, что на самом деле случилось с боевыми товарищами. Расследуя исчезновение друга, сталкер Арамис знакомится с бывшим спецназовцем Дымом и его странным спутником. Узнав, что происходит, он бросает вызов сильному миру сего, потому что от него и горстки единомышленников зависит жизнь не только близкого человека, но и всех сталкеров. Человеческое против звериного – кто победит в этой схватке?

© Глумов В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Глумов

Вопреки судьбе

Фантастический роман

Глава 1

Сокол не вышел на связь

В тишину ворвался телефонный звонок – «Полет валькирии». Арамис аж подпрыгнул в кровати, прошлепал к гостиничной тумбочке, закашлялся, отметил, что более-менее здоров, хотя температура и слабость еще остались.

Наверное, это Сокол. Как и обещал, позвонил в пять вечера. С хабаром вернулся, хвататься будет. Но когда Арамис взял телефон с гостиничной тумбочки, разочарованно сплюнул: высвечивалась фотография Маши – очень глупой и приставучей блондинки, с которой он познакомился неделю назад.

Он чуть не сбил ее, когда девушка перебежала дорогу. Ночь, ни фонаря, светоотражателей на одежде нет. Хорошо, ехал медленно и успел затормозить. Оказалось, за ней гнались гопники, и Арамис волей-неволей Машу спас и потом долго отпаивал коньяком в придорожном кафе.

Так, не желая того, он стал героем, а у молодых девушек принято влюбляться в своих спасителей. По глупости дал телефон – все-таки можно встретиться разок-другой, но Маша звонила трижды на дню, заявляла на Арамиса права и даже пыталась контролировать.

Ну да, секс был, посредственный, надо сказать, но современный мужчина не обязан после этого жениться.

Арамис все-таки ответил:

– Я занят, позвоню позже.

Отключился, не дожидаясь Машиных причитаний. Часы на экране показывали начало шестого. Очень пунктуальный Сокол все не звонил, и это настораживало Арамиса. Если бы не проклятая простуда, он пошел бы в Зону вместе с напарником, а так вынужден отлеживаться в отеле, когда друг приключается со сталкершей по прозвищу Пани, о которой все уши прожужжал: мол, и умница, и красавица, стреляет белке в глаз, в совершенстве владеет английским. В общем, чудо, а не женщина. В чудо-женщин Арамис не верил, думал, что возбудил у Сокола гормон – попросту говоря, втюхался Олежка Соколов по самое не хочу.

А поскольку втюхиваться он любил часто и каждый раз – навсегда, Арамис считал своим долгом понижать градус неадекватного здравого смысла.

Однако несмотря на темперамент, самолеты, то бишь дело, для Сокола были важнее душевных порывов, и он никогда не нарушал обещания, даже такие незначительные, как звонок в условленное время.

Поэтому Арамис решил позвонить ему сам, поднес телефон к уху, ожидая слышать протяжные гудки, но механический голос объявил, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Неужели телефон потерял? Или просто он разрядился. Ну, не верил Арамис, что с его другом-счастливчиком что-то случилось. Не смог позвонить, значит, объявится в течение двух-трех часов, остается его дожидаться.

Только на душе все равно было тревожно. Вспомнилась Милочка, с которой он встречался месяц назад. В отличие от Сокола, Арамис был раздолбаем и частенько забывал, когда кому обещал позвонить. Мало того, он мог забыть зарядить телефон или попросту уехать без него. Потом, конечно, отзванивался всем и извинялся, но Милочка была чрезмерно впечатли-

тельной и каждый раз, когда он пропадал, придумывала всякие ужасы и сама в них верила. В конце концов она так замучила своей тревогой, что Арамис с ней расстался, и под колеса бросилась Маша...

Теперь он понял Милочку и даже устыдился того, что заставлял девушку беспокоиться. Секунду раздумывал, не вернуться ли к ней, но вспомнил, что больше симпатизировал Алене, которая оказалась на удивление неприступной.

За окнами буйствовала зелень. В разросшихся кустах сирени тонул соседний частный дом с черепичной крышей. Полосатый кот принимал воздушные ванны посреди дороги, в опасной близости от него воробы купались в пыли.

Несколько лет назад, когда возникла Зона, деревня Челноки умирала, здесь коротали век старушки и несколько алкоголиков, но невдалеке появилась граница Зоны, и сюда потянулись охотники за удачей всех возрастов и вероисповеданий. Обжили заброшенные дома, построили клоповники типа этого, чтобы торгаши, аферисты и солдаты фортуны могли отдохнуть после походов в Зону, продать хабар, поменять валюту, расслабиться в обществе представительниц древнейшей профессии.

Еще в прошлом году не было никаких отелей, но спрос диктует предложение, и они появились.

На всякий случай Арамис позвонил Соколу еще раз – безрезультатно, чертыхнулся, мысленно обматерил скосивший его вирус, и решил скоротать время за бокалом чая. С людьми поболтать, узнать, что в мире новенького.

После болезни слегка кружилась голова, но в общем сталкер чувствовал себя бодрячком. Похлопал по карманам, удостоверился, что паспорт с деньгами на месте, и направился к хлипкой деревянной двери.

На улице пахло летом: цветущими липами, пылью, свежей зеленью. Грунтовка тянулась между покосившимися заборами вдоль однотипных, еще советских домов и упиралась в асфальтированный пятачок напротив единственного бара под названием «Челнок».

Туда Арамис и зашагал, шурясь на яркое солнце.

Бар обустроили в заброшенном деревенском магазине и даже не озаботились внешней отделкой стен: штукатурка местами обвалилась, побелка осыпалась, а на вывеске поблекшую надпись «Продукты» переделали в «Поди ж ты!».

На пороге беседовали Боров и Чукча, нашивки с красной буквой «А» – группировка «Анархия». Завидев Арамиса, они оживились. Боров помахал копытом и воскликнул:

– Мотать мой лысый череп, кого я вижу!

Чукча прищурился – его и без того узкие глаза превратились в щелочки.

– Арамис! А че ты один, без Сокола?

Арамис махнул рукой и встал рядом с Боровом.

– Да вирус, собака, поймал, три дня температура была под сорок, думал, сдохну. Ну, Сокол без меня и умотал. Уже прийти должен.

– Ну дык пусть идет, – закивал Чукча, шелкнул языком. – Хабар обмыть надо, а то что-то кисло стало, мы вот пустые вернулись, – он расстегнул ворот камуфляжа и продемонстрировал бледные пятна ожогов: – В «стекловату» вляпался, хорошо, «слизняк» был. Что наколядовали, то и потратили.

– Это потому, что ломиться не надо, – посоветовал Арамис, улыбаясь солнцу.

– Уж кто бы говорил, – пророкотал Боров и вдруг погрузнел. – Ты представляешь, Перчатка сгинул. Просто пропал. Ни труп, ничего. Это было недалеко от нашего лагеря. С мужиками весь лес в округе прочесали – как в воду канул.

– Жалко, – вздохнул Арамис. – Может, в «холодец» вляпался? Или норушники уволокли?

– Может, но и у «рабов» два человека пропали, – сказал Чукча. – Если парами ходят, ничего, а в одиночку хоть не суйся. И тоже не нашли ни одного, ни другого. Так-то.

По спине пробежал холодок дурного предчувствия. Тренькнул телефон, извещая о доставленном сообщении. Арамис улыбнулся: вот и Сокол вышел на связь. Видимо, зря волновался. Выудил мобилку из кармана и скривился. «Не звони мне больше», – писала прилипчивая девушка Маша.

– Они в одном месте пропадали? – спросил Арамис с замирающим сердцем.

– В смысле – в одном? – безволосые надбровные валики Борова полезли на лоб.

– Район какой? Где чаще всего пропадали? – уточнил Арамис.

– Перчатка возле лагеря анархистов, те двое – на лесопилке. Еще кто-то сгинул из новеньких, не знаю, как звать. С птенцами не знакомлюсь, они каждый день разные.

Арамис убрал за ухо прядь волос, почесал щетину. Сокол как раз собирался на лесопилку... Да нет, все нормально будет: сталкерские байки слушать – себя не уважать. Точнее, послушать-то можно, если у костра или за пивом, а верить нельзя.

Но все равно молчание Сокола настораживало.

– Чего приуныл? – Боров хлопнул Арамиса по спине. – Идем, по бокальчику примем? Или ты таблетки жрешь и нельзя тебе?

– Пойдем, – Арамис пропустил вперед Чукчу и вошел в обитый деревом небольшой зал.

Бармен, длиннолицый, выбритый до синева армянин, играл в нарды с братом Тиграном и даже не повернулся к гостям. Арсен увлеченно пел:

– Я не боюсь никого, ничего.

– Привет, Артур! – поздоровался Арамис – хозяин заведения поднял голову и просиял, Тигран смолк.

– Вах, кого я вижу, мы скучать по тебе начали, – проговорил он на чистом русском.

– Болел я, – признался Арамис, садясь лицом к выходу за деревянный стол, сколоченный из досок.

Скамьи даже не обрабатывались рубанком. Сначала они были застелены мешковиной, а потом десятки задниц отполировали доски до блеска, и мешковину убрали.

Всего в зале было пять столиков и барная стойка с самодельными стульями на длинных деревянных ножках из бревен. Посетителей было мало: три незнакомых вольных сталкера да анархисты. Незнакомые передавали друг другу контейнер с артефактом, шептались.

– Вы знаете, кто такая Пани? – спросил Арамис.

Боров и Чукча переглянулись.

– Не-а, – покачал головой Чукча. – Впервые слышу.

– Ты все впервые слышишь, башка твоя дырявая. Это Янка, что ли? Местная неадалка, – объяснил Боров. – Тощая жердина, волосы длинные, темные, на ведьму похожа. Косит под крутую сталкершу, на деле – пустышка. Романтики ищет. Кажется, ее Яной зовут.

– А-а-а, эта! – вспомнил Чукча. – По-моему, симпатичная.

– Что б ты понимал, тебе и царевна-лягушка симпатичная. Арамис, зачем тебе та Панночка?

– С ней вроде Сокол идти собирался, – Арамис закинул ногу за ногу и крикнул бармену: – Принеси нам три темного, как обычно!

Армянин неспешно направился к стойке и принялся наполнять бокалы.

– Тю, я ее вчера здесь видел с каким-то новым хмырем, – сказал Чукча, поднимаясь. – Ща по пивку бахнем. Мужики, вы будете леца? Смотрите, какой красавец висит!

– Хороший, – кивнул Боров, подошел к лецу, висящему на леске над стойкой, проверил его дозиметром. – Берем.

– Вам порезать? – оживился бармен.

– Желательно, – кивнул довольный собой Боров. – И почистить.

Леца оказался свежим, сочным и еще пах дымом. Арамис запил кусок пивом и сощурился от удовольствия. Развернулся на хлопок двери: в бар вошли два суровых бородатых мужика

из клана «Вера», которых анархисты называли «рабами» за то, что те сотрудничали с безопасниками. На самом же деле они не могли смириться, что практически все новички отстегивали «веровцам» взятки, чтобы попасть в Зону. Да и сами анархисты платили им взятки во избежание конфликтов.

Увидев Арамиса, «рабы» заулыбались, но заметили людей из враждебного клана и поумерили пыл. Арамису было по фиг, он дружил и с теми, и с другими. Поднявшись, он пожал руки вновь прибывшим, поинтересовался, как дела, получил дежурные ответы и сел обратно.

Чукча наклонился и прошипел:

– Ты чего с гнидами ручкаешься?

Арамис притянул его к себе и шепнул:

– Успокойся. Эти гниды могут еще пригодиться и мне, и вам.

Он отлично понимал, что одиночкой быть опаснее, но если приятельствовать со всеми понемногу, пользы будет гораздо больше. Дружить он не собирался ни с анархистами, ни с «рабами», у него был единственный друг и напарник, с которым можно и в огонь, и в воду – Сокол.

Чукча надулся и замолчал. Боров наблюдал за происходящим спокойно, жевал леща, потягивал пиво из запотевшего бокала. Арамис глянул на часы и погрустнел: начало седьмого, а Сокола все нет. Может, он дожидается в номере? Вряд ли: он сразу пошел бы в бар. А если нет? Фантазия нарисовала Сокола с перебинтованной ногой, продирающегося сквозь бурелом и отстреливающегося от одичавших псов. Он тряхнул головой, встал, отодвинул недопитое пиво:

– Мужики, через десять минут вернусь.

Арамис знал, что Сокол не пришел, но надежда подыхать отказывалась. Вдруг напарник устал так, что двигаться не может? Сокол не умер, он просто не мог умереть! Мало ли что случилось – может, в засаду попал. Да просто не рассчитал время! «Но раньше-то ему это удавалось», – бубнило второе «я».

Вот гостиница, узкий темный коридор, четыре двери номеров. Он остановился напротив третьей, постучал, отпер ее. Вырвал лист из блокнота и нацарапал огрызком карандаша: «Сокол, я в “Челноке”». Хотел дописать: «Люблю. Целую. Пани», но передумал. Уходя, сунул листок в щель возле ручки.

Пока он вернулся, анархисты почти сожрали леща и заказали по второму бокалу. Арамис придал лицу радостное выражение, уселся на свое место, поднял бокал, кивнув «рабам».

– Ты чего скис? – поинтересовался наблюдательный Боров.

– Сокол не вернулся, – ответил Арамис.

– Ну дык мало ли, – встрял Чукча.

– Он обещал...

– Ну, если Сокол обещал, то причины уважительные, – протянул Боров, пожевал губами и посмотрел с сочувствием: – Думаешь, он тоже пропал?

– Ничего не думаю, но стремно.

– Когда он обещал объявиться?

– Два часа назад.

Боров отмахнулся:

– В Зоне всякое случается. Давай лучше еще по пивасику.

Тренькнул телефон, Арамис выхватил его из кармана и прочитал СМС: «Привет, котик! Жду, скучаю», и выругался. Номер был незнакомым. Ну почему женщины всегда пишут и звонят не вовремя?!

– Не дергайся так, – успокоил Боров. – Подожди до утра, тогда вместе что-нибудь придумаем. Мы в «Доме у дороги» остановились.

– Ааа, я тут, – Арамис кивнул в сторону, где находилась не гостиница даже – постоянный двор.

Он осушил три кружки пива, но так и не захмелел, вернулся в номер уже затемно, щелкнул выключателем, завалился в кровать и тут же вырубился.

Проснулся от того, что на лицо падал солнечный луч, сел, протер глаза, тотчас потянулся к телефону и набрал Сокола, но тот был вне зоны доступа. Выругавшись, шагнул к умывальнику, зачерпнул горстями воду, умылся, с трудом расчесал спутанные волосы, с тоской вспомнил времена, когда стригся коротко, и тут же отогнал эту мысль: имидж дорогого стоит, да и девки его в таком образе больше любят.

Прогнав остатки сна, задумался, что делать дальше, и принялся грызть ноготь; поймав себя на этом постыдном занятии, цыкнул зубом. Итак, что есть: Сокол на связь так и не вышел и сюда не добрался, следовательно, он еще в Зоне. Возможно, попал в переделку. В худшем случае...

Да плевать на худший случай! Вытаскивать его надо.

Еще к информации: Сокол собирался в Зону вместе с Пани, которую вчера видели неподалеку. Один он вряд ли пошел, значит, взял в напарники кого-нибудь другого. Стартовал он из Челноков.

Значит, план таков: поговорить со всеми завсегдатаями на случай, если они видели Сокола или он проболтался им о своих планах. Потом желательно бы допросить Пани. Даже если ничего не прояснится, Арамис знал, что Сокол ушел к лесопилке – искать его надо там. Остается снарядить отряд и чем-то мотивировать сталкеров. Уповав на хороший хабар, Арамис спустил всю наличность и теперь не мог предложить наемникам ни копейки.

Да, и еще следует порасспросить «рабов» о таинственных исчезновениях сталкеров, вдруг это они руку приложили?

Итак, начинаем с «рабов». Арамис кинул взгляд на часы: начало девятого. Нормально, все уже должны проснуться, бар работает с восьми, туда следует наведаться и узнать, где расположились «рабы».

Один из «рабов» – бородатый детина в бандане, похожий на моджахеда, – переговаривался по рации у входа в бар. Его напарник, видимо, опохмелялся после обмывания хабара.

Арамис поднял руку, Моджахед кивнул молча. Хорошо, «рабы» здесь. Сначала надо бармена расспросить, потом – «раба».

Артур протирает бокалы и развешивал их над стойкой. На леске ждали своей участи три леща, таких же, как вчерашний.

– Привет, – проговорил Арамис, заказал себе заварной кофе, уселся за стойку и поздоровался со вторым «рабом».

Артур засыпал кофе в турку и поставил ее на электроплиту.

– Скажи мне, друг, – заговорил Арамис, улыбаясь и стараясь скрыть волнение. – Четыре дня назад мой друг Сокол ушел в Зону и не вернулся. Говорят, с ним была Яна по прозвищу Пани. Ты случайно не знаешь, правда это или нет?

– Видел его, да. С Панночкой, – подтвердил Артур. – Но три дня назад Панночка тут была, а Сокол – нет. Наверное, не дала, она никому не дает, а Сокол парень горячий, приставать начал, вот она и сбежала... Говоришь, не вернулся? – бармен повесил последний бокал и вздохнул: – В последнее время это часто. Месяц назад появилась сталкерша Сова, – он щелкнул языком. – Красивая, капец. Просто фотомодель. Блондинка, губастенькая, сиськи – во, – он явно преувеличил, жестом изображая округлости на груди. – Она с Панночкой знакомство водила, тоже хохлушка, кстати, – он погрустнел. – Пропала две недели как.

– Почему они пропадают? Версии есть? – наострил уши Арамис и приготовился отделять зерна от плевел.

Но армянин повел плечом и качнул головой:

– Разное говорят. Одни – что аномалия новая появилась и они попадают в другой мир, другие – что и раньше так было, сталкеров стало больше, потому и пропадают они чаще. Но в это я не верю, понимаешь, почему?

– Конечно. Раньше погибали в основном новички, сейчас процент опытных и новичков одинаков.

– Все они исчезают на северо-западе, – продолжил Артур.

Арамис сжал челюсти. Лесопилка находилась именно там.

– Больше ничего не знаю. Сочувствую и надеюсь, что Сокол найдется.

Армянин поставил на стойку исходящий паром кофе, Арамис расплатился и подсел к напарнику «раба», разговаривающего на улице.

– Привет, как хабар? – поинтересовался он.

Рябой безусый парень с аккуратной рыжей бородкой окинул его взглядом, вздернул бровь – вспомнил рубаху-парня Арамиса – и скривился:

– С хабаром в последнее время кисло. Как проклял кто.

Арамис поддакнул и добавил:

– Еще и люди пропадают. Сталкеры и раньше гибли, но сейчас это ведь другое.

– Не думаю, что есть связь, – ответил «раб», глянул за спину Арамиса, и на скамью рядом с ним опустился Моджахед. Рыжий продолжил: – Но исчезновения странные. У нас один человек из группировки пропал, причем недалеко от базы. Там и пропадать-то негде: лес, дорога и сосняк, даже болот нет, и аномалии сплошь дружелюбные. Правда, псы повадились туда ходить и кабаны. Ни упырей, ни норушников отродясь не водилось. Но когда мутант убивает человека, остаются кровь и снаряга. Если он в аномалии гибнет – тоже кровь и снаряга. Тут же – ничего. Он как под землю провалился.

– Вы уже в курсе, что Сокол пропал? – спросил Арамис.

– Хреново, – заключил рыжий.

Арамис поерзал на скамье, скрестил руки и предложил:

– Мне надо его поискать. Вдруг он жив, просто попал в передрагу? Только предложить мне нечего, – он развел руками. – Разве что если вы поможете мне в долг. Любые условия приму.

– Где он пропал? – спросил рыжий.

– На лесопилке, – ответил Арамис. – Говорят, его с Пани видели.

Моджахед смерил его взглядом, склонил голову набок, раздумывая, наконец проговорил:

– Толковый ты мужик, грех тебе не помочь. Смотри, какое дело. В том районе скрывается отряд рецидивистов. Очень опасных отморожков. Все они убийцы, насильники и маньяки. Насколько мне известно, огнестрела у них нет. Так вот, военные набирают отряды добровольцев, за вознаграждение, конечно. Скорее всего, эки передохли уже, Зоны-то они не знают. Но ты получишь, что тебе нужно – команду дадут, даже заплатят.

– Спасибо, – просиял Арамис. – Когда выдвигаться? Так понимаю, дело срочное?

– Через два часа сбор здесь же, так что немного времени у тебя есть.

Арамис вскочил, пожал руку Моджахеду и рванул к выходу. Он рассчитывал найти Пани Яну, а если нет, расспросить о ней хозяина второго бара и завсегдатаев.

Когда он шагнул мимо «Дома у дороги», чуть не столкнулся с вывалившимися на улицу анархистами.

– Куда несешься? – спросил Боров, пожимая руку. – Сокол нашелся?

– Нет. Мне нужно найти Пани, желательно – сегодня.

– В поселке вряд ли найдешь, она обычно в баре ошивается, мужиков снимает, чтобы надлюбить и не дать, феминистка хренова.

В голову закралась дельная мысль, Арамис приложил палец к виску, подумал пару мгновений и выдал:

– Мне работу предложили. Сколько дадут, не знаю. Сбор через два часа возле «Челнока». Чукча шумно поскреб в затылке:

– Я бы тоже не отказался, хабар мы не нашли, на снарягу потратились...

Его перебил Боров:

– Ближе к делу: кто предложил, на каких условиях?

Арамис от нетерпения топтался на месте. С одной стороны, надо и расспросить жителей Челноков о Пани, с другой – и анархистов неплохо было бы завербовать: команда будет надежная.

– Предложили вчерашние «рабы», – признался он. – Сбор через два часа, там подробности и расскажут.

Чукча сплюнул на землю. Боров, напротив, заинтересовался:

– Мудрый ты человек, Арамис, мы придем.

– Скорее, хитрый, – Арамис ему подмигнул и помчался дальше, к хижине дяди Тома.

Дяде Тому на вид было лет сто: сморщенный старикашка с лысым черепом, обтянутым пергаментной желтоватой кожей. В Зону ходить ему было не по возрасту, но, сохранив тягу ко всему аномальному, он кормился байками, перепродавал артефакты и тем жил. А еще он все про всех знал.

Но даже назойливому старикану ничего не было известно ни о Пани, ни об исчезновениях сталкеров. Одно он сказал: «Не нравится мне эта Яна, в наше время таких баб называли плоскодонками».

Глава 2

Эскадрон смерти

Что есть милосердие судьбы – смерть в мясорубке или такая жизнь?

Вот уже двадцать с лишним лет Дыма мучил этот сон – иногда раз в месяц, иногда раз в неделю. Менялись декорации, но события оставались неизменными. Утром он просыпался в холодном поту, долго смотрел в потолок.

Тикали на стене часы, на кухне Анна стучала ножом, нарезаая салат. Прогудел самолет, Дым перевел взгляд за окно, заметил на небе длинный белый след.

Из темноты подсознания многолико скалилось прошлое. Прошлое волочилось тенью, не исчезающей даже в полдень, перечеркивало настоящее.

Вот и сегодня Дыму приснилось: «трешка» в Грозном, отец и мама, им тогда было столько, сколько Дыму сейчас. За окном привычно стреляли, доносились крики. Аня сидела на кровати, поджав ноги и обхватив колени руками. Мама ходила по комнате взад-вперед, баюкая маленького Егорку, у которого резались зубы.

Все лампочки выключили, чтобы люди на улице думали: квартира пуста; лишь голубоватый свет фар бросал тревожные блики на испуганное лицо матери. Большинство русских осталось, заперлось в квартирах, отказываясь верить, что беда уже поднимается по лестнице, замирает у дверей, прислушивается. Все думали, война не коснется тех, у кого хата с краю, но никто не думал о том, что крайняя хата горит первой.

Диме двенадцать, но взрослый мужчина, видящий этот сон, знает, что будет через пятнадцать минут, но не может сдвинуться с места, чтобы предупредить: бегите! Бессилие убивает его, ведь если сейчас он крикнет, вытолкает родителей на лестницу, и они побегут дальше – вверх, то он не станет тем, кем стал.

Тело отказывается слушаться. Дима смотрит на часы, мысленно пытается оттянуть стрелку, разум захлебывается от бессилия.

На лестнице слышны шаги и гортанная речь. Он смотрит в глаза матери: от ужаса ее зрачок расширяется на всю радужку, и там, как в зеркале, отражается часть соседней пятиэтажки.

Шаги замирают, родители стоят, затаив дыхание. Дмитрию хочется рвануть к матери, зажать Егорке рот рукой, но сознание заперто в теле его прошлого. Чужаки переговариваются, топают наверх...

Неужели хотя бы на этот раз...

Взгляд Дмитрия прикован к Егорке. Вот он дергает ручонками, кривит полумесяц рта и поднимает вой. Мать спохватывается, прижимает младшего сына к груди, чтобы он замолчал, и отступает, с ужасом глядя на дверь.

Отец матерится. За дверью матерятся тоже, щелкает взведенный курок. Отец бросается к Ане, хватая ее и подсаживает наверх, в антресоль над входом в кухню. Затем за шкуру поднимает Дыма, заталкивает следом за сестрой, напутствуя:

– Что бы ни было – молчите. Димка, прижмись к правой стене, Аня – к левой стенке. – Дым становится на четвереньки, отползает дальше, заматывается одеялом, которое накрывало банки с компотами.

Аня скулит, тоже замотанная одеялом, Дым пинает ее:

– Тссс! Молчи!

Сестра затихает. Отец захлопывает дверцы кладовки. Неразборчиво бормочет мама, верещит Егорка. Стучат. Мама всхлипывает.

– Открывай, – требуют голосом с чеченским акцентом. – Тагда будешь жить.

– Сейчас, – отзывается отец.

Звякает щеколда. Гремит выстрел. Гулкие шаги разносятся по квартире. Кричит мама, потом молит, потом ее стоны тонут в криках Егорки. Хлопок – Егорка замолкает.

Дым тряхнул головой и заставил себя не вспоминать. Мама была красивой – они с Анной в нее: пшеничные волосы, черные глаза и брови. Анна сохранила масть, а Дым поседел еще тогда, в двенадцать лет. Если бы не мамина красота, боевики обыскали бы жилье и нашли в кладовке двух дрожащих близнецов-подростков...

С губ сорвалось ругательство, Дым свесил ноги и мрачно оглядел комнату. Ничего не радовало – ни новая квартира, ни недавно закончившийся ремонт, ни вид из окна в парк.

Из кухни потянуло запахом кофе.

– Ань, и мне завари, – прохрипел он, откашлялся.

– Угу, угу, – передразнила его сестра. – Уже одиннадцать часов, ты все проспал, филин, блин. А обещал помочь.

– Сейчас, – он взял сигаретную пачку, надел джинсы и футболку, босиком протопал на лоджии в соседней комнате, закурил и высунулся из приоткрытого окна.

Гудели машины, пахло пыльным летом и выстиранным соседским бельем. Этажом выше грохотал перфоратор, его заглушали возгласы ребятни, гоняющей в футбол на новенькой площадке возле цветущих лип. По серо-голубому небу сновали стрижи. Дым любил лето и терпеть не мог зиму, но переезд на юг пробуждал воспоминания. Потому квартиру решили покупать здесь, в Белгороде.

Дым ткнул сигарету в пепельницу, сделанную из рапаны, и поспешил готовить обещанный плов и жаркое. Не мужское дело на кухне возиться, но тут – особенный случай, новоселье. Аня с детства мечтала о собственной квартире, и сегодня ее звездный час.

В столовой на стеклянном столике, окруженном стульями, уже стояли тарелки с украшенными зеленью салатами.

Аня в голубом фартуке склонилась над разделочной доской и ловко орудовала ножом, только локти мелькали. Обернулась, одарила брата улыбкой.

И баранину для плова, и свинину для жаркого он заготовил с вечера.

– Сколько человек придет с твоей стороны? – спросил он, открывая Анину гордость – огромный хромированный холодильник.

– С моей стороны, как обычно, Юлька с Олей. С твоей – Наган? – она на миг оторвалась от дела. – Капуста явится?

– Будет, – кивнул Дым, открыл миску со свининой, понюхал мясо, кивнул. – Алана тоже пригласил, специально для тебя. Теть Валя обещала зайти завтра, чтоб не портить праздник молодежи.

– Вау! – раскрасневшаяся, довольная Аня просияла. – Спасибо, брат! Ты настоящий друг! Осталось тебе девушку найти, женишься, наконец, остепенишься.

Дым закатил глаза:

– Спасибо, я еще пожить хочу. Помнишь, чем все с Наташкой закончилось?

– Все, все, умолкаю.

Поставив на плиту котелок с подсолнечным маслом, Дым подумал, что хотел бы в спутницы такую женщину, как Аня. Но где ж их взять? Одни пустышки тупоголовые. Оля ничего, но замужем. Юлька... он вообще не понимал, что общего у Ани с этим существом.

Бросив в масло лук, морковь и пару косточек, Дым снова отправился на балкон. Дурное предчувствие не отпускало даже сейчас, когда он, щурясь на июньское солнце, провожал взглядом стрижей, кричащих по-летнему. В воздухе, взлетая и опускаясь, кружился тополиный пух. Через неделю – поездка в Крым. Сел на машину, сутки – и ты на западном побережье, усеянном раковинами гребешков. Желтый песок скрипит под ногами, пейзаж напоминает марсианский: странная розовая трава с мясистыми стеблями, трещины в сизой почве, кусты с серебристыми листьями.

Южнее – суровый Джангуль с обветренными изваяниями скал. Поднимешься наверх – степь без конца и края, колючка, ковыль да перекасти-поле, вдалеке гонит пастух табун лошадей.

Новый день – новое место. Мыс Лукулл, Фиолент с его лазурной водой, косяками кефали и крабами. Ныряешь с черной скалы в стаю ставриды – рыбы прыскают в стороны, а потом окружают и больше не пугаются, сверкают серебристыми боками.

Дым затушил сигарету. Даже мысли о приятном не помогли. Все ж хорошо, задание успешно выполнено, квартира наконец доведена до ума – можно приглашать друзей, скоро Крым. Но откуда тогда предчувствие опасности, будто над головой завис нож гильотины и палач вот-вот опустит его? Наверное, виноват кошмар, к вечеру должно пройти. Сидеть за столом с кислой рожей совсем не хотелось.

* * *

Первой вошла импозантная брюнетка Юлия в декольтированном черном платье. Огромные буфера колыхались, перетянутая тонким пояском талия подчеркивала крутые бедра. А вот с лицом у Юли была беда: килограмма два штукатурки, приклеенные ресницы и стрелки чуть ли не до ушей. Миловидная, в общем, Оля на ее фоне смотрелась бледной молью.

Аня не выпендривалась и встретила гостей в джинсовых коротких шортах и черной майке. Дым поприветствовал дам, опершись о дверной косяк, и прошел к столу.

Донеслись охи, ахи и поздравления, зашуршал целлофан. Аня делано обрадовалась подаркам и повела подруг в кухню.

– Какая прелесть! – пророкотала Юля. – Черно-белая плитка в шахматном порядке – эффектно. И шкафчики... А плита, мне однозначно нравится плита! Надо своего на такую развести.

– Тут теплый пол, – похвасталась Аня. – Сейчас это не актуально, но все же...

– Завидую, – устало вздохнула Оля.

Пока они охали, ахали и щебетали, Дым откупорил вино, окинул взглядом стол, ломившийся от яств, отметил, что Аня, как обычно, забыла хлеб, надо будет его принести.

Когда делегация прошествовала мимо Дыма, развалившегося в кресле и потягивающего сок, в Анину комнату, он юркнул в кухню, выложил на тарелку полбулки нарезного хлеба и водрузил ее в середину стола, подвинув исходящий запахом плов и фирменный Анин салат в виде подсолнуха.

– Офигеть! Красотища, – искренне обрадовалась Оля, осматривающая спальню. – Комнат четыре или три?

– Четыре, – ответила Аня с гордостью.

– Круто вам, аналитикам, платят, – оценила Юля.

– Девочки! – предчувствуя, что сейчас подруги снова начнут расспрашивать Аню о работе, Дым хлопнул в ладоши и проговорил: – А не налить ли аналитикам!

Тотчас рядом нарисовалась Юля и промурлыкала, потянувшись к бокалу:

– Разумное предложение!

– Что предпочитаете? Вино? Текилу? Джин?

– Вино. Красное сухое.

Дым выдернул заранее открученную пробку, плеснул себе, Юле, подоспевшей Оленьке и Ане. Выпили за новоселье. Чокнулись, и девушки удалились в гостевую, откуда донеслись восторженные возгласы.

Снова накатило предчувствие опасности. Зазвенел звонок – Дым вздрогнул, чертыхнулся еле слышно, отправился встречать друзей. Посмотрел в глазок, щелкнул щеколдой, пропуская

Нагана. Обычно он тщательно брился и выглядел моложе своих тридцати пяти, сейчас же, заросший рыжеватой недельной щетиной, смотрелся на все сорок.

Обманчива все-таки человеческая внешность. Взять, например, Нагана: тонкий, высокий, с овальным интеллигентным лицом и острым носом. Ни дать ни взять – офисный планктон, мечта любого гопника. А на деле – профессиональный убийца, в послужном списке которого десятки, если не сотни жертв.

Или вот Капуста – розовощекий, в очках, с бегающими глазками и носом-пуговкой. Мелкий клерк, не иначе. Но если присмотреться, под слоем нагулянного жирка проглядывают мышцы, а взгляд холоден и цепок.

Алан вошел последним. Этот да, похож на бойца – высокий, спортивный брюнет, на вид очень вежливый. Аня, завидев его, приободрилась, заулыбалась. Юлька призывно колыхнула буферами. Наган с Капустой переглянулись, Алан, привыкший к вниманию женщин, протянул Дыму черный пакет и сказал:

– Знаю, ты давно его хотел, мы с мужиками скинулись. Держи. Девочки, это мужские игрушки, вам будет неинтересно.

Девушки повздыхали и удалились. Аня потащила в кухню мультиварку, подаренную Аланом.

В пакете был плоский футляр, кожаный, строгий. Дым покрутил его в руках, всячески демонстрируя заинтересованность. Почему-то усилилось предчувствие беды, наверно, из-за неловкости: Дым не привык получать подарки от друзей.

– Места у тебя теперь много, можешь коллекционированием заняться, – сказал Наган, оглядывая прихожую.

«Велик нормально влезет», – подумал Дым и тряхнул головой: что за мысли? Это Наган велики любит.

– Давай, открывай.

Дым открыл футляр.

Внутри был коллекционный нож, изящная, хищная и очень дорогая игрушка, годная только для того, чтобы поставить на полку. Сразу видно – авторская работа, единственный экземпляр.

– Его зовут «Властелин судьбы», – сказал Наган.

Дым осторожно вытащил нож из футляра, извлек подставку. Что-то было в нем стимпанковское или фэнтезийное: складень с длинным, в прорезях, лезвием, ручкой темно-синего металла с геометрическим узором, лиловые накладки... Подставка в виде разорванного круга, цвета поздних сумерек. Красивый, мрачный, «Властелин судьбы» стоил, наверное, как мотоцикл. Даже странно, что Капуста, вообще-то прижимистый, если не сказать скупой, – на него раскошелится.

– Настоящий мужчина, – степенно проговорил Алан, – в определенный момент жизни просто обязан заняться коллекционированием. Часы ты вряд ли будешь собирать, мы тебя знаем. Огнестрел – тоже. А вот холодное оружие – самое то. Тебе по характеру.

– Спасибо, – пробормотал несколько смущенный Дым, пробуя нож в руке.

Он привык к более функциональным вещам. Ножом нужно резать мясо – для этого созданы и кухонники, и холодное оружие. Нож должен быть острым, увесистым и удобным. Красивым? Для Дыма это было не важно. Есть своя прелесть и в керамическом шефе, и в карманной «крысе», но это – не главное.

А «Властелин судьбы» был именно красив, харизматичен. В ладони лежал удобно. Дым сделал несколько пробных выпадов. Да, сбалансированный, при необходимости с таким можно выйти в бой. Но представить, как перерезаешь им горло или втыкаешь в брюхо врага – не получается...

– Поставлю на полку, – нож занял место на подставке. – Спасибо еще раз, друзья.

Наган улыбнулся – в очередной раз только губами. Дым внимательно посмотрел на него: что-то случилось? Надо будет побеседовать наедине.

– Не за что! – Капуста расплылся, довольный понравившимся подарком.

Алан хлопнул Дыма по плечу.

– Показывай, что у тебя где, – проговорил Наган и шагнул в столовую.

– С чего начнем? Кухня? Гостиная?

– Я бы для начала осмотрел галльон, – усмехнулся Наган.

Дождавшись, когда он закончит знакомство с белым другом. Дым проводил гостей на лоджию, где все, кроме спортсмена Алана, закурили.

* * *

За столом дамы восхищались квартирой, мужики отмалчивались и отвечали анекдотами, а Дым напряженно ждал беды, хотя ничто ее не предвещало.

– Ань, – сказала Юля, севшая поближе к Алану, – ты поговори с вашими, может, у вас в конторе для меня найдется место бухгалтера, платят, я смотрю, круто. Тоже хочу.

Капуста расхохотался, Наган пнул его ногой под столом, и он смолк. Дым представил Юльку на работе, которую она просит, и сам еле сдержался. Да, смешно.

– Поговорю, – кивнула Аня. – Но вроде штат укомплектован.

– И все-таки, чем ты занимаешься? – подхватила тему Оля.

– Политтехнология, аналитика, – ответила Аня, отхлебнула из бокала и поставила его на стол. – У нас подписка о неразглашении.

– Пряма разведчики, – Юля сложила руки на груди и томно воззрилась на Алана, который совершенно безучастно поглощал плов.

В нерабочее время он занимался самбо по три часа в день, и ему требовалось много белка.

Юля обиделась, немного отодвинулась от него и заговорила:

– Я на днях с таким интересным человеком познакомилась. При Союзе он работал в КГБ, выполнял специальные задания. Ну, там подстроить несчастный случай послу или еще что-нибудь...

Капуста краснел, слушая ее, и наконец расхохотался. Юля вспыхнула:

– Я сказала что-то смешное?

– Да, – все еще хохоча, ответил Капуста. – Извини. Твой товарищ вот так прям и перечислил свой... своих жертв? А номера их телефонов не дал?

Юлька захлопала накладными ресницами часто-прещасто, Дым аж запереживал, что они сейчас отвалятся.

Алан наконец оторвался от еды, промокнул губы салфеткой и объяснил:

– Трепло твой знакомый.

– Почему это? – надула губы Юля.

– Если бы он такое сказал, его свои бы убрали на следующий же день. И тебя вместе с ним.

Юлька икнула. Дым прикончил жаркое, отметил, что оно удалось, и некстати вспомнил их с Аней последнее задание.

* * *

Операция была штатная.

Два взвода, одна деревня. Один БТР (в котором умещаются три человека экипажа, в зачистке не участвующего, и два отделения) и один грузовик «Урал». Командовал операцией Наган. Ждали огневого сопротивления, вооруженного отпора – по информации, в этой зате-рянной в складках гор, на картах не отмеченной деревне скрывались террористы.

А на вид – обычное селение «чехов».

Горы еще не выпвели, зелень – яркая, праздничная. Раннее утро, солнце выползло из-за хребта, блестит ручей, прорезая заросшие разнотравьем холмы. Драгоценными камнями цветы – синие, красные... Гнилые зубы надгробий древнего мусульманского кладбища, руины известняковых домов. Старая деревня, наверное, памятник истории.

Есть и жилые дома, тридцать дворов. Обычных, стандартных для любого региона: белые стены, обшитые металлическим профилем, красная черепица, металлопластиковые окна. Козы пасутся. Кони. Петух кричит.

– Капитан! – Наган прищурился на Аню. – На позицию!

Сестра кивнула, за спиной у нее висело «весло», которое гражданские называют «снайперской винтовкой Драгунова». Если бы предстояла операция по «усмирению» и, как выражался Алан, «курощению» местных жителей, снайпера бы в команде не было.

Наводчик Ани, конопатый Шпала, хмыкнул и вытер нос тыльной стороной ладони – у него была аллергия на пыльцу, Шпала сидел на таблетках и все равно постоянно шмыгал.

– Хорошее утречко. Как там бишь было у классиков? Люблю запах свежего напалма...

– Это было бы проще, – командир второго взвода, Капуста, мечтательно вздохнул. – Куда уж проще: залить «чехов» напалмом – и дело с концом. Но придется малость пострелять. Готовы, бойцы?

– Так точно! – слаженно откликнулись оба взвода.

– Змея, Шпала, на позицию!

Сестра с напарником скрылись из виду. Наган велел строиться. Слов напутствия от командира никто не ожидал, процедура была давным-давно отработанная. Четыре отделения, в каждом – один пулеметчик и два с автоматами, огневая поддержка снайпера и БТР – по обстоятельствам. В отделении Дыма пулеметчиком был Алан, а третьим товарищем – плюгавый, мелкий и особо опасный боец по прозвищу Мыш.

Солнышко припекало, и Дым подумал, что снова облезет нос. И еще почему-то с тоской подумал о сиськах какой-то Светы... тряхнул головой, с интересом покосился на Мыша – не о том, не о том он перед операцией размышляет.

Страха не было, адреналинового всплеска – тоже. Рутинка. Настоящий профессионал спокоен и выдержан, трясутся поджилки у новичков. Дым прекрасно понимал, что сегодня может не вернуться на базу. И что Аня может не вернуться. Прощание «навсегда» стало делом будничным, готовность к смерти – тоже. Выживает и побеждает тот, кто контролирует эмоции, этому Дыма давно научили. Самое паршивое, что бывает – страх страха, паника. Есть даже специальная шкала, показывающая, как человек переходит от спокойствия к ужасу... И, соответственно, погибает.

Паника – это смерть. Беспечность – тоже смерть.

По цветовому коду Купера Дым был сейчас в «оранжевом» секторе и готовился перейти к «красному»: был насторожен, контролировал обстановку, следил за мельчайшими деталями. Когда придет время действовать, он не утратит разум.

Операция началась.

Каждая тройка – отделение – действовала по утвержденной схеме. Видишь дом, открываешь дверь, забрасываешь гранату, бабахнет –ходишь и стреляешь во все, что еще шевелится.

Нападения никто не ожидал, поэтому поначалу зачистка проходила штатно. Дым знал, что Алан всегда прикроет спину и что на него можно положиться, доверял он и Мышу, хоть и не дружил с бойцом. Сбалансированное, сработанное отделение.

Два ряда домов, узкая, вытоптанная улица – двум автомобилям едва разъехаться, и пока что тишина. Алан вышиб первую дверь и, не глядя, швырнул гранату. От взрыва вылетели стекла, на улицу вырвались клубы дыма и пыли. Не дожидаясь, пока она осядет, отделение ворвалось в дом. Живых не было. Вообще никого не было – пусто.

Судя по взрывам, операция шла полным ходом.

– Пусто, – хрипели голоса командиров отделений в наушнике, – пусто, пусто, пусто.

Деревня будто вымерла. Улицу заволокло пылью, тянуло гарью – после взрывов всегда начинаются пожары. Дым дал своему отделению команду остановиться, вызвал Нагана:

– Деревня пуста, прием.

– Ушли «чехи», – откликнулся командир. – Думаю, недалеко. Продолжайте, не исключено, они скрываются в каком-то здании. Как меня поняли, прием?

– Понял хорошо, – откликнулся Дым и передал своим приказ, – продолжаем.

На худеньком, длинноносом личике Мыша читалось недоумение: сражаться с фантомным врагом он не привык. Происходящее напоминало дурной сон – праздничная, кипучая летняя жизнь, абсолютно пустая деревенька и – взрывы. Как на учениях, только хуже, бессмысленней, и все время ждешь нападения из-за угла.

Куда могли подеваться местные жители, то есть террористы? Конечно, был шанс, что они узнали о готовящейся зачистке и дружно ушли в горы, где и будут скрываться, откуда и будут нападать. И есть шанс, что узнали о приближении бойцов они совсем недавно, далеко уйти не успели, укрылись где-то поблизости.

Но вот где?

Единственная улица уже практически кончилась. Через несколько метров она изгибалась под тупым углом, следуя складкам местности, но Дым не верил в то, что за поворотом встретит толпу чеченских террористов в поясах шахидов.

Его отделение шло первым. Внимание за время операции рассеялось, Дым с трудом заставлял себя сосредоточиться и чувствовал, что Алан и Мыш тоже дергаются, нервничают и устали.

Поэтому, наверное, они и допустили ошибку – вместо того, чтобы вскрыть угловой дом так же, как остальные, Алан вошел в комнату. И тут же вылетел спиной вперед, открыв огонь из пулемета. Из дома огрызались. Мыш и Дым, растерявшись на секунду, упали на землю. К ним уже спешила подмога. Но Алан, похоже, справился, в помещении затихли.

Повисла нехорошая тишина, которая обычно заполняет внезапную паузу в бою. Слышно, как куры где-то квохчут, как пчела жужжит, как сопит напарник.

Алан вошел в дом. Дым и Мыш – следом.

Битое стекло, раскрошенная пулями мебель и на полу – одетая по мусульманскому обычаю девушка лет восемнадцати, безусловно, мертвая – Алан стрелял практически в упор. К подобному облику террористов Дым за годы службы привык. Это в глазах обывателя Чечня – практически мирный регион, но вот из таких забытых богом горных сел и выползает, выражаясь языком агитки, гидра терроризма, молоденькие смертницы и воины Аллаха...

– Больше никого, – доложил Алан, обойдя помещение – в домике было всего две комнаты.

На улице началась стрельба. Эфир забили приказы и невнятные крики.

Дым отдал команду залечь в здании. К сожалению, пули легко пробивали тонкие стены, свистели над головой. Кто палит – свои или чужие – понять было невозможно. Дым подполз к окну, осторожно выглянул: коллеги держали оборону, нападали, кажется, со всех сторон. Запертый в четырех стенах, Дым не мог толком действовать, не мог даже оценить обстановку, но выходить сейчас было самоубийством.

Сквозь ругань и шум пробился голос сестры:

– К деревне с юга движется вооруженный отряд. Как поняли?

С юга – это оттуда, куда силы миротворцев не добрались. Дым прикрыл глаза и досчитал до десяти, чтобы успокоиться и прогнать лишние мысли, упаднические и декадентские: понесло же на эту операцию... слили, точно слили... Хана теперь всем, хорошо, если Аня уйдет. Наган отдал приказ БТР, запросил огневую поддержку. Сюда бы вертолетов пару, да вот беда – миссия тайная.

Подразделение, в котором служили Дым и Аня, занималось грязными и непопулярными в народе и мировой общественности вещами: уничтожало террористов. Фанатичные мрази, окопавшиеся в горах, портили жизнь и всей России и ее части – Чечне. Но в глазах СМИ оставались «повстанцами», которых душил «кровавый диктаторский режим». Именно поэтому знакомым брат с сестрой представлялись аналитиками.

И Дым очень хотел уйти на покой. Сменить специальность на мирную. Он давно уже не мстил – убил достаточно бандитов, чтобы успокоиться. Но вот беда – толком ничего, кроме как воевать, не умел. За столом они с Аланом, Капустой и Наганом часто говорили об этом: вот бы уйти на пенсию, да хоть охранную фирму открыть...

Заорал Мыш – тонко и жалобно. Дым развернулся на месте и пополз к товарищу.

Мыш зажимал живот – из-под броника так и хлестало темно-красным, заливая штаны. Вот же черт! Дыма обдало чужой болью, разъедающей, утробной. Мыш уже ничего не сообщал, только кричал и сучил ногами. Подполз Алан, вместе с Дымом они перевернули раненого: так и есть, входное отверстие пули – в районе крестца, крови в месте попадания не очень много. Значит, прошла в таз, разворотила там все... Судорожно сжатые руки удалось с трудом развести, содрали броник. Рубашка от пупка до паха была пропитана кровью – не алой, артериальной, а густой, смешанной.

Алан потянулся за ножом – разрезать одежду, а Дыма замутило. Он и так знал, что увидит. Перламутровые, беззащитно-мягкие, вываливающиеся сквозь рану кишки.

Мыш зашелся воем, его дугой выгнуло.

Кишки были перемазаны содержимым и кровью – пуля действительно разворотила все.

Алан и Дым переглянулись. Первую помощь, естественно, умели оказывать оба – жгут наложить, шину... Знали, что делать при ранении в живот: не трогать и смачивать кишечник, чтобы не пересыхал. Тут полевая медицина была бессильна.

– Как же ты так, Мыш? – вздохнул Алан. – Кверху жопой, что ли, полз? Эй, дружище, посмотри на меня, не засыпай?

Осмысленности во взгляде раненого было ноль. Он постепенно затихал, и натекло с него уже порядочно. Когда-то Дым читал, что самураи, совершающие харакири без помощника, умирали часами – мучительно, в дерьме и грязи. Мышу досталось не мечом: раневой канал другой, пуля в теле движется огнюдь не по прямой, разрывая все на своем пути. У него вместо внутренних было месиво.

Алан заплакал. Он еще что-то делал, держал руки Мышу, доставал фляжку, открывал аптечку... Бинт, перекись, ненужная ерунда. И – шприцы с наркотическим обезболивающим. Единственное, что сейчас имело смысл использовать.

Дым вызвал Нагана, обрисовал обстановку, получил в ответ напряженное:

– Держитесь. Помощь скоро будет.

Он все ждал рокота БТР, выстрелов, но ничего подобного слышно не было. В чем дело? Куда девалась «бэха»?

Мыш, получив инъекцию, затих. В себя не пришел, даже не бредил, только что-то бормотал неразборчиво. Дым ловил бессвязные обрывки его мыслей – про девочек, про маму. Находиться рядом было невыносимо.

– Алан, оставайся с ним. Я узнаю, что происходит.

Он подполз к двери и высунулся наружу. Увиденное было полной неожиданностью для Дыма: солдат окружили. Террористы наступали со всех сторон, лезли из-за пустых, проверенных домов, и Дыма запоздало озарило: все это время «чехи» прятались в горах и оттуда пошли в наступление. Слили, точно слили операцию.

Помощи ждать не приходилось.

У стены соседнего дома сидели Наган и Капуста, отстреливались. Дым, наугад стреляя в стороны, согнувшись, подбежал к ним, плюхнулся рядом в пыль:

– Где «бэха»?! У меня солдат умирает!

– Да у нас половина личного состава умирает! – заорал Наган, слегка оглохший от выстрелов. – Я поддержку с воздуха запросил! Экипаж «бэхи» вырезали, пока мы тут копошились – покурить ребята вышли, раздолбай, мир их праху! Один механик выжил, сначала залег, потом высунулся, гранату, не поверишь, под брюхо сунул, герой, млять. Подорвал свой же транспорт, удрал в холмы, оттуда доложил!

«А Нагана-то не погладят по голове за эту операцию, – подумал Дым. – Он же отвечает за подготовку, проведение, а значит, и смерти». Лишь бы Аня выжила. Глядишь, родит мальчишку от хорошего человека, в честь дяди назовет – хоть какое бессмертие.

Ласковое поутру солнце жарило немилосердно. Террористы были, наверное, хуже вооружены, да и шмотки на них были попроще, и обувь – не тактическая, за дикие деньги, как у контрактников «особого назначения», и выучкой они не вышли – но на их стороне было численное преимущество.

– Когда будет вертолет? – спросил Дым.

– А черт его знает! – отозвался Капуста, дико ослабившись. – Пока с бумагами разберутся, пока топливо достанут... Баррдак! Знать бы, кто нас сдал, я бы его, суку, за яйца повесил!

– Помирать не хочется, – признался Наган по-прежнему очень громко. – Как же помирать не хочется!

– Не накликай! – оборвал Капуста. – Взводный, возьми себя в руки! И стреляй, солдат, стреляй, пока патроны есть! «Чехи» – не бесконечные!

«Имя им – легион, – подумал Дым. – Лишь бы Аня не стреляла. Нам ничем не поможет, только себя выдаст. Хотя в такой мясорубке...»

На выжженной ясным горным солнцем пыльной улице безымянной деревеньки умирали ребята. Все они служили за деньги, честно делали свою работу, надеясь скопить на безбедную старость, квартиру, учебу за границей для детей. Идейных, мстящих, таких как Аня и Дым, было мало. Разве что еще Алан – он терпеть не мог террористов, считая их предателями рода человеческого.

Вот умирать за деньги – глупо.

Прав Капуста, найти виновного и повесить за причинное место.

Рядом почему-то оказался Алан.

– Мыш умер, – сказал пулеметчик. – Ну что, ребята, повоюем еще?

И они воевали. Минуты тянулись бесконечно долго, Дым действовал механически: укрыться, выглянуть, увидеть цель, выстрелить. Выдалась короткая передышка – поменять магазин. Палец на спусковом крючке устал, цевье нагрелось. Надежная штука – калаш – пусть и не самая удобная, но удобство – дело привычки.

Их становилось все меньше. Четверо друзей – Капуста, Наган, Дым и Алан – пока держались, никто не был даже ранен, но потери несли колоссальные, из двух взводов осталась хорошо если половина одного.

У Алана кончились боеприпасы. У Нагана заклинило автомат – наверное, в первый раз за всю службу...

Капуста ругался все тише – пересохло горло.

А террористов не становилось меньше.

Дым плюнул на все и по рации вызвал Аню:

– Змея, прием, как слышишь, прием!

– Слышу хорошо, привет, братишка. Жарко там у вас? Цел?

– Цел, Аня, цел. Хотел сказать: замуж выходи за гражданского. Сына родишь – назови Димой...

– Умирать собрался? – фыркнула сестра. – Рановато собрался! Сопли подбери и воюй, солдат!

Он улыбнулся. На самом деле, конечно, Аня понимала, что речь идет хорошо если о десяти минутах – потом «чехи» сломят сопротивление. Но держалась и давала стимул держаться до конца.

– Сама сопли подбери, – посоветовал Дым. – Я так, на далекое будущее...

Воздух наполнился гулом. Дым поднял взгляд. Из-за хребта, тяжело гудя лопастями, шли военные вертолеты – обещанная поддержка. Нечаянное спасение...

* * *

Конечно, Юлька на рабочем месте смотрелась бы смешно. Воображение нарисовало картинку: грудастая Юлька танцует стриптиз, неприятель в шоке, а в это время штурмовая группа зачищает вражескую территорию.

– Да нет, не трепло, – упорствовала Юлька. – Он уже в отставке!

– Послушай меня, девочка, – вступил в беседу молчаливый Наган. – Уж поверь, о таком не распространяются. Так что подтверждаю, твой друг звездит.

Деморализованная Юлька опустошила бокал и надулась:

– Фи, Неганов, вы грубиян. Держите себя в руках.

Оля попыталась перевести тему в другое русло:

– Ребята, я тут недавно статью прочитала про Зону эту... Не про тюрьму, а которая аномальная. Ну, вы поняли. Может, вы знаете, откуда это все взялось: мутанты, артефакты?

Алан задумчиво покачал головой:

– Увы, это вне нашей компетенции. Одно скажу точно: она существует, там находят странные вещи, одни из них лечат, другие калечат. Там опасно, водится множество невероятных, жутко агрессивных тварей. Лично я не видел ничего, что добыто там, но матери моего друга один артефакт спас жизнь. Так что все это – правда.

– Удивительно, – проговорила Аня. – Я бы сходила туда на экскурсию.

– А мне и так острых ощущений хватает, – проговорил Дым, опустошив бокал.

Наган криво усмехнулся и провозгласил очередной тост – за новоселье. Дым поймал себя на мысли, что у боевого товарища случилась беда. Уж не мама ли слегла? А может, с женой проблемы? Если бы не Анины гости, он поговорил бы с ним тет-а-тет, уж что-что, а чувствовать людей он умел и редко ошибался. Именно поэтому и не уживался с женщинами – сразу же распознавал ложь.

Вечерело. Беседа переместилась в мирное русло, теперь лидером компании выступала Оля, Дым даже заметил заинтересованность во взгляде Алана. Но, несмотря на ее старания, в воздухе витала напряженность, она ощущалась почти физически. Обычно жизнерадостный Капуста все время дергался, да и с Негановым не все в порядке. Один Алан привычно спокоен и вежлив.

Неужели что-то стряслось на работе?

– Наган, – проговорил Дым, вставая и демонстративно доставая сигаретную пачку. – Не хочешь ли ты покурить?

Приятель понял намек, кивнул, покосился на Капусту и тоже встал. А вот до Юльки не дошло: захмелев, она жаждала мужской компании и увязалась следом, но Аня спасла положение и остановила ее:

– Присядь, мальчикам нужно побеседовать.

Дым захлопнул дверь лоджии и проговорил:

– Выкладывай, что случилось.

Наган вытаращился удивленно:

– С чего ты взял? Все в норме.

– Уж мне-то не ври, у тебя на лбу написано.

Наган скосил глаза и проговорил жалобно:

– Так заметно, да? Представляешь, моя Ленка... – он махнул рукой. – Гуляет, стерва. Давай об этом не будем, ладно? – Он высунулся в окно. – Отличный вид, одобряю!

– А с Капустой что? – спросил Дым, созерцая светящиеся окна дома, что высился над парком.

– Откуда я знаю? – вспыхнул Наган. – У него спрашивай.

– Точно на работе все хорошо?

– Да, все довольны, всё отлично, – Наган бросил окурок с балкона – полетела вниз красная точка, затерялась в траве, невидимая с шестого этажа.

Дым ненавидел тех, что гадит там, где ест, но стыдить Нагана не стал, как и не стал говорить о том, что Ленка пыталась с ним кокетничать три года назад.

Когда они вернулись, Алан встал.

– Мне пора домой, – извиняющимся тоном сказал он.

Капуста положил руку ему на плечо:

– Ладно тебе. Посиди с нами, неизвестно, когда еще раз так соберемся. Давай лучше выпей, – он принялся наливать Алану вино, приговаривая: – Как дед говорил, если людина не пье, вона або хвора, або велька падлюка.

Алан скривился и отстранил бокал:

– Ты же знаешь, я хвора падлюка. Да и за рулем...

Наган поддержал Капусту:

– Тут, вон, гостевая, всем места хватит, – он пьяно осклабился, повернувшись к Юльке, та сглотнула слюну, посмотрела на Аню и проговорила:

– Пожалуй, нам слегка пора.

– Да че вы, девчонки, оставайтесь, – Наган поднялся, пошатнулся – Дым успел поддержать переворачивающийся стул и подумал, что приятелю совсем паршиво, раз он так надрался.

Капуста усадил его, тогда Наган обратился к Оле:

– Ну хоть ты-то останешься?

Дым сжал кулаки. Если усмирять быкующего Нагана, будет показательный бой. Он, конечно, пьян, но даже в таком состоянии опасен.

– Ань, извини, но мы пошли. – Оля перекинула через плечо сумку и направилась в прихожую следом за Юлькой. Дым отправился их провожать. Сказал у двери:

– Не обижайтесь, беда у человека.

– Ничего, – пожала плечами Ольга, встала на цыпочки и поцеловала Дыма в щеку. – Еще увидимся!

– Нахал! – воскликнула Юлька, хлопнув дверью, по лестнице застучали ее каблуки.

Дым вернулся к гостям. Надутая, как сыч, Аня обхватила себя руками.

– Наган, какой же ты козел.

Дыма мало интересовали условности типа всяких праздников, восьмых марта и двадцать третьих февраля, но за Аню было обидно. Она так мечтала об этой квартире, так хотела наконец позвать друзей и порадоваться вместе с ними! Нагану долго придется искупать вину.

Наган выглядел пристыженным: потупился, разглядывая ногти, и пробурчал:

– Простите, не знаю, что на меня нашло.

Возле него крутился Капуста: то ли успокаивать собирался, то ли усмирять. Алан сидел, откинувшись на спинку стула, и созерцал картину на стене.

– Да, я сволочь, – проблеял Наган и притих.

Случалось всякое. Бывало, нажирались до свинячьего визга, но никогда Наган не терял самоконтроль. Видно, сильно переживает из-за Ленки. Когда привыкаешь к смерти, она

кажется работой, чем-то само собой разумеющимся, а вот измена – трагедия. Дым представил себя на месте друга и понял, что не стал бы так расстраиваться. Основы мироздания рухнули, когда ему было двенадцать. Они с Аней вылезли из кладовки, и он успел закрыть сестре глаза, чтобы она не увидела растерзанный труп матери и Егорку с разможенным черепом.

Все самое плохое в его жизни уже случилось, он вырос на руинах, он и сам – огрызок человека, в нем даже ненависти к врагу не осталось – лишь ноющая досада и неприятие всего нерусского. Из-за притупленности собственных чувств Дым наполнялся чужими, он не любил слово «эмпатия», ему больше импонировало «резонатор».

– Идем, покурим, – Капуста хлопнул Нагана по спине. – Что сделано, то сделано.

– Только дверь закрывайте, а то всю квартиру завоняли! – пробурчала Аня и обратилась к Алану: – Ты будешь чай с тортом? Сама пекла.

– Ну, раз сама, тогда давай, – согласился Алан, проводя курильщиков тоскливым взглядом.

Дымили молча. Наган замер изваяньем, сигарета в его пальцах дрожала. Капуста, наоборот, казался дерганным и расхлябанным.

– Не знаю, что на меня нашло, – проговорил Наган.

Капуста пожал плечами:

– Бывает. Мы – поломанные, потерянные для общества люди. Знала бы эта женщина, чем мы занимаемся...

Дым фыркнул:

– Для нее наша работа не грязь, а романтика. Идем, торта поедим, Аньку порадуем, а то она совсем скисла.

Наган снова выбросил окурок с балкона, и Дым не сдержался:

– Ты, видно, произошел от свиньи. Еще раз так сделаешь – следом за бычком полетишь.

– Извини, – он с поднятыми руками направился в гостиную.

Алан приканчивал второй кусок торта, его аппетит вдохновил Аню, и она с довольным видом раскладывала куски по тарелкам. Вздрогнула, когда Капуста хлопнул в ладоши и достал из-за пояса флягу, поболтал ею:

– Знаете, что здесь? Мускатель. Собственного производства! Это с дачи под Партенитом.

– Спасибо, я хвораю падлюка, – напомнил Алан.

Капуста его не слышал, разливал черное вино по бокалам, вид у него был, как у папаши, демонстрирующего друзьям любимое чадо. Все разобрали бокалы, только Алан не прикоснулся к своему. Капуста надулся:

– Да ладно тебе, с одного глотка не отомрут твои нервные клетки, ты просто почувствуешь вкус. Я ж не напиваться тебя прошу.

– Хорошо, – Алан взял бокал, встал и проговорил: – Давайте выпьем за хозяйку дома. Все так вкусно, что я чуть не покончил жизнь обжорством. Ань, за тебя! – Он сделал большой глоток и сел, развалившись на стуле.

Дым отметил, что вино крепленое, похожее на магазинное, только слаще и гуще. Приятное, в общем, если бы не странный химический привкус. Но такое бывает, когда вино выдерживается в пластиковых бочках. Аня зевнула, потянувшись. Алан тоже зевнул, потер глаза.

Наган протрезвел и смотрел на Дыма в упор – хищно, требовательно. Капуста топтался в стороне, растерянно стреляя глазками по сторонам, и вдруг начал двоиться и расплываться. Пару секунд Дым думал, что выпил лишнего, но когда не смог подняться, с ужасом сообразил, в чем дело.

С трудом повернулся: Аня лежала лицом в стол, Алан – запрокинув голову и обмякнув на стуле. Понятно: Капуста подсыпал или снотворное, или яд.

– Сука, – прорычал Дым, рванулся к Нагану, сидевшему напротив, рассчитывая прирезать его кухонным ножом, лежащим возле торта. Но рука скользнула мимо ножа, зазвенели

упавшие тарелки – Дым растянулся поперек стола. Двигаться он не мог, глаза застилала пелена, последнее, что он видел – сосредоточенное лицо Нагана.

Мысли лопались мыльными пузырями, причем это были чужие мысли: «Велосипед не влезет», «Как делить будем», «По штуке за рыло дадут».

– Готов, – прозвучал затихающий голос Нагана.

Глава 3

По рукам!

Никто не видел Пани Яну, и никто ничего не слышал о Соколе. Арамис, расспросив всех встречающих (даже бабушку из соседней деревни, торговавшую на перекрестке молоком «от лучевухи помогает, бери, сыночек!»), глянул на часы: до сборов военсталов и добровольцев в «Челноке» оставалось только сорок минут. Он хотел успеть как можно раньше, чтобы не стоять в очереди и, как всегда при вербовке добровольцев, получить снарягу получше.

Арамис почти бежал, «хвост» растрепался, и волосы лезли в лицо. Пришлось остановиться и, нехорошими словами помяная имидж, поправить прическу. Яна пропала, и Сокол пропал тоже. Если на Пани Арамису было плевать с высокой колокольни, то судьба друга его волновала: напарник в Зоне – это вопрос выживания. Сработавшая пара имеет шансы на выживание повыше, чем все остальные. Кроме того, что Арамис точно знал – Сокол прикроет, поможет, он доверял напарнику как самому себе, даже, учитывая собственный безалаберный характер, чуть больше.

Сокол – надежный товарищ. Сокол никогда не подведет и не мог он пропасть просто так, кинуть друга!

Раздосадованный тем, что до сих пор не нашел никакой информации, Арамис продолжил путь к «Челноку». Соваться к Лесопилке, где предположительно пропал Сокол, в одиночку – акт самоубийства. А вот в составе хорошо вооруженной команды можно и сходить, тем более за это деньги платят.

В «Челноке» было уже порядочно народу. Военсталы пока не появлялись, столик в дальнем углу, за который по традиции садились наниматели, оставался свободен, зато остальной бар был практически забит. Пиво почти никто не заказывал – нужно же быть трезвым, все пили кофе и изображали приличных людей. Арамис подсел к стойке и попросил бутербродов и чая – пока бегал, успел проголодаться.

– Кстати, – сказал бармен, ставя перед ним тарелку, – ты Пани Яну искал?

– Ну да, я.

– Так вон она, за столиком у окна.

Арамис медленно, чтобы не спугнуть удачу, обернулся.

За самым маленьким столиком и правда сидела девушка. Черные прямые волосы распущены, кулачок подпирает острый подбородок. Худая, вся в черном и делано-утонченная, будто не сталкер, а поэтесса.

Арамис сгреб со стойки тарелку с бутербродами и чашку чая, протиснулся к окну и как можно галантней поинтересовался:

– Пани Яна? Разрешите присесть.

Девушка (точнее, как рассмотрел при свете Арамис, женщина далеко за тридцать) смерила его долгим презрительным взглядом, слегка усмехнулась и величественно кивнула.

Да уж. И что в ней Сокол нашел?

– Меня зовут Арамис, и я друг Сокола, вы его знаете...

– Предположим, знаю.

Арамис даже как-то растерялся. В ответе была тонна неприкрытой враждебности. «Ну, стерва, – подумал он, – не на того напала».

– Вот и хорошо, что знаете. А не подскажете, где его найти?

– Разве я сторож другу вашему? – И снова презрительный взгляд из-под полуопущенных век. – Откуда я, – она сделала ударение на этом слове, – могу знать?

– Вы – последняя, кто его видел, и Сокол говорил...

– Ох, мужчины. Всегда вы говорите то, что хотите, а не то, что было на самом деле! – Пани Яна вздохнула и выдержала паузу.

Арамис неприкрыто любовался желтыми пигментными пятнами на ее лице.

– Не удивлюсь, если Сокол рассказывал, что спал со мной. Почему-то всех вас интересует только постель, и если не обламывается, вы начинаете распускать отвратительные слухи. Думаете, я не знаю, что говорят у меня за спиной?

Пришлось заткнуться и слушать. Не будь Арамис так заинтересован в информации – нагрубил бы и ушел. Пани Яна, похоже, понимала, что деваться ему некуда, и продолжала речь в духе «все мужики – козлы».

– Думаете, я не знаю, сколько хвастливых полудурков, распушив хвосты, похваляются тем, что затащили меня в постель? Что меня называют нимфоманкой и уверяют, что дам всякому, кто посмотрит, а кто не посмотрит – того изнасилую? Вы на это рассчитываете?

Да она озабоченная!

– Нет, – с удовольствием ответил Арамис. – Как сексуальный объект вы, Пани Яна, интересуете меня меньше всего на свете.

С этими словами он принялся за еду. Черные глаза женщины смешно округлились, даже слегка выпучились. Она, конечно, поняла, что Арамис ей нахамил, но формально возразить не могла – сама же декларировала свою неприступность.

– Так что там с Соколом? – напомнил Арамис.

– Такой же, как все. Придурок, – Пани Яна фыркнула и отвернулась, сделав вид, что происходящее за окном ее крайне интересует.

– Человек пропал, – попытался возвать к ее совести Арамис. – Его ищут. Скажите, где вы его видели в последний раз? Он своими планами не делился?

– Планами? О, конечно, он делился планами, – завела все ту же пластинку женщина, – он рассказывал, как сказочно разбогатеет на хабаре и будет трахать меня на шелковых простынях. Впрочем, не на ту напал. Меня не проймешь рассказами, – тут Арамис чудом сдержался, не уточнил, а чем же такую неприступную можно пронять, – я против шовинизма и против дискриминации по любому признаку!

– А где он хотел добыть этот хабар?

– И тебе меня не подкупить шелковыми простынями! – взвилась женщина.

Арамис затравленно огляделся. Кажется, весь бар наслаждался диалогом. Да, бешенство матки в сочетании с врожденной стервозностью – не подарок. Мужика ей хорошего надо, этой Яне, так ведь не подпустит к себе никого. Но это – не проблемы Арамиса, а его проблема – добыть из воинствующей феминистки информацию.

И тут Арамиса осенило. Он широко улыбнулся, тряхнул гривой, соорудил обомлевшей Яне глазки и проворковал:

– Никогда и в голову не пришло бы подкупать вас шелковыми простынями, Пани. Сразу видно человека, личность. С вами хочется дружить, вам хочется поклоняться, не оскорбляя не то что действиями, неосторожным взглядом. Быть вашим рыцарем, если угодно. Быть вашим другом и защитником, хотя вам не нужна защита, вы сами справитесь с врагами!

Кажется, он перегнул палку, но Пани Яна этого не заметила: зарделась, захлопала ресницами. Арамис мысленно пожал себе руку: молодец, мужик. Герой. Гений пикапа.

– Конечно, справлюсь, – без особой, впрочем, уверенности в голосе сказала она.

И Арамис, почувствовав близкую победу, принялся вдохновенно нести бред:

– Вы – сильный человек, Яна, я восхищаюсь вами! Конечно, Сокол – мужской шовинист, но, думаю, его можно переубедить. Он же не мог не полюбить вашу душу, она светится в глазах. А то, что выражал свои чувства столь грубо и неумело... поймите, не только женщин калечат воспитанием, мужчины – такие же жертвы патриархата.

Яна слушала и кивала. «Блин, перед мужиками неудобно, – подумал Арамис. – Лишь бы никто не заржал, а то я не сдержусь и тоже заржу».

– Но меня беспокоит пропажа друга. Никому бы не признался, ведь «настоящие мужчины» не говорят о своих чувствах, но ближе Сокола нет для меня человека... Да, он груб, несовершенен, но я знаю: он в беде. Яна, вы же благородный человек, без преувеличения, человек новой формации! Так помогите мне, – последние слова он произнес трагическим шепотом.

«Ну давай, давай, Яночка, – мысленно подталкивал ее Арамис. – Заглатывай наживку».

– Он ко мне клеился, и я его отшила, – неожиданно прямо объяснила Яна. – Тогда Сокол сказал, что пойдет за Лесопилку. Он упоминал, что напарник болеет, но утверждал, что путь, хоть и опасный, преодолимый, а ради меня... ну, обычная мужская чушь. Потом он собирался швырнуть богатства к моим ногам, чтобы я дрогнула. Я бы не дрогнула, конечно. И больше я его не видела, Арамис.

– Спасибо.

Он задумался. Значит, Сокол пропал в «нехорошем» районе, где часто исчезают сталкеры. И как раз туда снаряжают экспедицию военсталы.

– Спасибо, – повторил Арамис, – Яна. Я отправляюсь на поиски друга, и, когда вернусь, знайте: вы всегда можете рассчитывать на меня в любом вопросе. Совершенно бескорыстно.

Кажется, этим он порядком озадачил уже готовую «дрогнуть» Пани Яну, но Арамиса не волновали ее чувства. Он поднялся, раскланялся и под ехидными усмешками сталкеров, печатаая шаг, вернулся к барной стойке.

Как раз вовремя: в «Челнок» зашли военсталы. Уже знакомый Арамису Моджахед – бородатый мужик в арафатке – и с ним двое типичных «штабных»: вислоусых, вислопузых, в зеленых мундирах. Собравшиеся сталкеры оживились: с хабаром в последнее время было как-то не очень, и многие рассчитывали на дополнительный заработок.

Арамис протиснулся к столику и пожал Моджахеду руку, давая таким образом остальным понять: он в своем праве, пойдет первым, кто против – может выйти поплакать в уголке.

– О, Арамис, – обрадовался Моджахед, – друзья, я его рекомендую. Хороший боец, опытный и ответственный. И везучий, что важно.

– Патлатый, – буркнул один из мундиров, со скрипом отодвигая стул и усаживаясь.

Второй тоже сел, плюхнул на стол толстую кожаную папку, открыл ее и вытянул несколько листов желтоватой бумаги:

– Ознакомьтесь, заполните анкету, потом побеседуем.

Арамис присаживаться за тот же стол не стал, освободил проход другим, вернулся к стойке. Вот ведь бюрократы! Ни одна группировка в Зоне не любила бумажки с такой силой, как военсталы.

Первый лист – подписка о неразглашении. Это в Зоне-то! Да здесь уже каждая собака знает о готовящейся операции! Второй – анкета. И договор на двух листах. Арамис просмотрел его и ничего необычного не углядел: имярек обязуется выполнять приказы руководства, не разбазаривать казенное имущество, а в случае, если вдруг, возместить потери в размере... По исполнению задания выплачивается вознаграждение... Главное – вознаграждение обязались выплатить в любом случае, независимо от того, поймают беглых зэков или нет.

В случае дезертирства – административное преследование и штраф в размере... Кстати, не очень большом размере – понимают, что сталкера, если ему что-то не понравится, не удержишь. А все найденные артефакты, кстати, считаются собственностью нашедшего их. Уже хорошо.

В общем, прекрасный контракт, просто шоколадный.

Анкета понравилась Арамису куда меньше. Кроме его прозвища – «позывных», военстам нужны были паспортные данные – имя, фамилия, прописка, год рождения, серия и номер

паспорта – и данные о ближайших родственниках. Это Арамис быстренько сочинил, ни на секунду не усомнившись в том, что остальные завербованные поступят так же.

Народ разобрал анкеты и вернулся за столики. Кое-кто, просмотрев список вопросов и договор, поднимался и уходил, кто-то строчил, от усердия высунув кончик языка.

Моджахед закурил, один из зеленых мундиров достал трубку. Где все-таки клонируют руководство военсталов? Совершенно неотличимые друг от друга мужики.

Хлопнула входная дверь, и в бар вошел Боров – крупный, одышливый. Запыхался – видимо, спешил на встречу. Заприметив Арамиса, махнул ему рукой:

– Привет!

Арамис поздоровался и уселся на свободный стул для собеседования. Прямо перед ним – Моджахед, слева и справа – мундиры. Левый мундир взял анкету, пробежал глазами и поднял на Арамиса изумленный взгляд:

– Арон Петрович Курочкин?!

М-да, подумал Арамис, как взял разгон с Пани Яной, так и не смог притормозить, перегнул, пожалуй. Но отступать было поздно, и следовало держаться с придурковатой наглостью, слегка замаскированной почтительностью – начальство это любит.

Арамис потупился и зарделся.

– Мама на имени настояла.

– Национальность – русский, гражданство Украины, место рождения – Минск. Это как понимать? – Левый сунул анкету Правому мундиру, чтобы тот удостоверился.

– Папа военным был, – пожал плечами Арамис, – путешествовали мы. По всему бывшему Союзу. Когда развалился, папа как раз в Киеве служил. Так и получилось. Вы что думаете, я вру? Вам свидетельство о рождении показать?

– Паспорт, – выдохнул Правый.

Ага, как же, разбежался. Это – Зона, а в Зоне – как в Иностранном легионе, никто документов не спрашивает.

– У меня при себе нет, – ответил Арамис, – дома забыл.

Мундиры переглянулись. Потребуй они, чтобы Арамис метнулся «домой» за паспортом – не видать добровольцев, как своих ушей. И военные это прекрасно понимали.

– Ладно. Что ж вы, сталкеры, такие скрытные... – буркнул Правый и принялся читать дальше. – Образование – высшее, магистр, закончил КПИ, физико-математический факультет.

Тут Арамис, кстати, не соврал. Он действительно закончил КПИ, на самом деле был магистром, но по специальности никогда не работал, о чем тоже честно написал в анкете.

– Расскажите, где работали, – попросил Левый, косясь в анкету.

Ну, понятно, после фамилии имени и отчества они ни одному слову не верят.

– Сисадмином работал, – признался Арамис, – не учителем же математики идти. А фундаментальная наука у нас не оплачивается.

– Навыки остались?

– Остались. А мы что, на Лесопилку сеть тянем?

Правый хмыкнул и сделал в анкете какую-то пометку. Наверное, «наглый вун». Моджахед наклонился к Левому и что-то сказал ему на ухо, что именно – Арамис не расслышал.

– Мы идем ловить беглых заключенных, – пояснил Левый, – насколько я понимаю, боевой опыт и опыт выживания в Зоне у вас достаточный. Почему хотите с нами?

А вот тут врать не следовало: слухи, что Арамис потерял Сокола, наверняка уже расползлись.

– У меня в том районе пропал друг, – честно ответил он, – и другие люди, говорят, пропадают. Если там шайка беглых зэков орудует – это шанс найти людей.

– Благородная цель... – протянул Правый и как-то со значением покосился на Моджахеда.

Этот обмен взглядами Арамиса заинтересовал: раньше он считал, что Моджахед – рядовой боец, но, похоже, ошибался, и над Мундирами сталкер был главным. Или руководил операцией, что более вероятно, а значит, его голос был решающим.

– Арамис нам подходит, – припечатал Моджахед. – Самый надежный человек – идейный. Деньги не гарантируют лояльности, а Арамис не подведет.

Левый нахмурился, Правый хмыкнул, но оба промолчали.

Моджахед подписал заявление Арамиса и подвинул Мундирам, чтобы они завизировали.

– Значит, так. Арамис, собираешься и через три часа подходишь на нашу базу. Ты знаешь, где это?

– Да.

– Обмундирование дадим, оружие – тоже, но если есть свое – бери, сам понимаешь, чем завербованных снабжают. По рукам?

– По рукам! – весело отозвался Арамис и поднялся.

За ним уже стояла настороженная, прислушивающаяся к расспросам очередь.

* * *

Собирать было особо нечего: Арамис покидал в рюкзак стандартный запас медикаментов, самые необходимые арты типа «облегчалки», любимый пистолет – «Беретту-92», которую предпочитал не из-за характеристик, а в силу изящного дизайна. Сокол всегда посмеивался над этим, называя Арамиса «выпендрейником» и «сталкер-хипстером». Добавил запас патронов. Больше ничего решил не брать – схрон и запас оружия у них с Соколом был общий, а ну как вернется друг, понадобится ему что-то...

Оставшееся время Арамис просто продрых, поставив будильник: перед операцией выспаться – основное, неизвестно, когда в следующий раз удастся. Снилось странное: тюрьма, нары, молчаливые, бритые налысо люди с язвами на руках. Он проснулся в дурном настроении, подхватил рюкзак, выпил в баре чашку кофе и за полчаса до назначенного времени был на базе военсталов.

Если остальные группировки предпочитали не отсвечивать вне Зоны и базы имели уже за Периметром, то военсталы, сила официальная, не скрывались – обнесенная забором с колючей проволокой по верху военная часть, КПП на входе, все серьезно.

На КПП солдатик-срочник потребовал у Арамиса документы. Вместо удостоверения личности Арамис продемонстрировал подписанный контракт.

– В рюкзаке что? – спросил рядовой.

– Лекарства, одежда, оружие, артефакты.

– Не положено! – уперся дежурный.

Арамис внимательно на него посмотрел: обрит под машинку, шея тощая, уши торчат и просвечивают красным, нос в прыщах, подбородок – в юношеском пуху. Лет восемнадцать, только призвали. И конечно, хочется мальчишке не у входа в военную часть торчать, а попасть в Зону, посмотреть, пощупать, может, бабла срубить... Завидует, в общем, сталкерам.

– Мне можно, – ответил Арамис, – нам сказали со своим приходить.

– Не положено оружие на территории воинской части! – Пацан засопел и крепко сжал АК.

– Позвони руководству и уточни, – посоветовал Арамис. – Я у тебя на КПП ничего оставлять не буду.

Из будки высунулся второй солдат – мелкий, чернявый, но постарше.

– Что тут?

– Сталкер с оружием и артефактами. Говорит, ему можно.

– Эков ловить? – чернявый обращался к Арамису.

– Так точно, – хмуро откликнулся он.

– Можно, – подтвердил чернявый, – проходи. Пропусти его, салага.

Салага, насупившись, посторонился, и Арамис наконец-то попал за забор. Ничем эта воинская часть не отличалась от других: чистый плац, вездесущие туи у двухэтажного длинного здания, административные корпуса (стены выкрашены желтой краской). Солдат видно не было. Арамис pokrutil головой, раздумывая, куда ему идти.

– Прямо и налево, первый подъезд, – крикнул вслед чернявый.

Сопровождать сталкера никто не стал – дух раздолбайства и анархии, витающий над Зоной, проникал и сюда. Арамис ни разу с военстами не сотрудничал на официальных началах, и ему было любопытно, как происходит отправка военных в Зону – не нужно пробираться тайком, входишь, наверное, как белый человек, под «Прощание славянки»...

У искомого подъезда, привалившись к нагретой солнцем стене, курил Моджахед, по-прежнему одетый не по уставу.

– Здорово, – они пожали друг другу руки. – Ты первый. Сейчас мы вас всех запишем, выдадим оружие, потом построим и поедем.

– Ты мне скажи, у вас с дисциплиной как?

– У кого – у нас? У военных? Бардак и диктатура. А в нашей группе будет как обычно. Я – главный, а там разберемся. Вас, бойцов, пятеро. Пойдешь моим заместителем?

Арамис смутился.

– Да я, наверное, не самый опытный.

– Зато самый заинтересованный, не сбежишь, хабара набрав. А то знаю я нашего брата, сам такой.

– Что есть, то есть, – Арамис, улыбнувшись, развел руками. – Ладно, пойду. Всего, значит, пятеро и ты – шестой? Три двойки?

– А зачем больше? Можно было хоть тридцать человек набрать – ты же сам видел, сколько желающих. Но я только надежных взял – за фи́га мне сброд в Зону тащить, чтобы они меня же и прирезали?

– А что за зэки-то?

– Да хрен знает. Сбежали какие-то и в Зоне решили спрятаться. Думаю, не найдем. Они уже или сгинули, или в сталкеры записались. И уж совсем я не верю, что зэки виноваты в пропаже людей, они же небось не каннибалы...

Разговор пришлось прервать – к ним спешил Боров. В который раз Арамис поразился тому, насколько внешность не соответствует действительности. Боров был лучшим стрелком Зоны – это все признавали. Он не задира́л нос, с удовольствием натаскивал новичков (Арамис сам учился у него стрельбе из пистолета), и не проходило и недели, чтобы его не вызвал на «дуэль» какой-нибудь задира. Против Борова шансы были – как против Вильгельма Телля. Он никогда не промахивался. Посмотрев на мишень и почесав репу, задира неизменно выставлял Борову коньяк или пиво и шел учиться.

И при этом Боров был не просто толстым, он был огромным.

Туша, как у бегемота, складчатая, неряшливая. Боров обильно потел, багровое лицо его с глубоко упрятым между монументальными щеками носиком-пуговкой, лоснилось, пальцы-сардельки, казалось, не способны были пролезть к спусковому крючку, а сам Боров – не пробежит и пяти метров. Однако двигался он с необычной для столь толстого человека грацией, был подвижен, вынослив и ловок. И очень, очень опасен. Многие считают толстяков благодушными добряками – и обманываются. Боров был не добродушнее кабана-мутанта.

Арамис относился к нему с уважением.

Боров сунул ему потную руку, с Моджахедом тоже обменялся приветствием.

– С прибытием, товарищ Пупкин, – улыбнулся Моджахед. – Зате́йники вы, ребята. Один – Арон Курочкин, другой – Васисуалий Пупкин. Остальные не лучше. Даже Иван Иванович Иванов есть.

– Это кто так? – пропыхтел Боров.

– Это Хантер так.

– Могуч мужик... Слушай, Моджахед, не в обиду, но я с твоим дерьмом не пойду. Ты же «макаровы» всем раздашь, угадал?

– Ну а что еще?

– Да лучше бы рогатки. Я тут свое принес, – и Боров тяжело опустил на землю рюкзак. – Если понадобится, и других вооружу.

– Зря ты так на «пээм», – патриотично обиделся Моджахед.

– Зря, если пистолет допилен и доработан. А если новые – они же дребезжат и стреляют, куда бог пошлет, а не куда надо.

Арамис внимал, помалкивая.

Постепенно подтягивались остальные: пришел «Иванов» – Хантер, похожий на молодого Клинта Иствуда мужик, плохо говорящий по-русски. Кажется, он был канадец, а может, американец – Арамис про него слышал, но близко не общался.

Пришел Чукча – напарник Борова, узкоглазый и вечно недовольный. Моджахед, широко улыбаясь, представил его остальным:

– А это, господа сталкеры, Родион Шухов. Знакомьтесь. Выпендрейники.

– Сам-то как бы назвался? – прогудел Боров.

Моджахед поскреб в затылке.

– Изей Кацманом, наверное. Ты прав. Не знаю. Как стукнуло бы в голову – так бы и назвался.

Не хватало еще одного человека. Вскоре он появился, и Арамис уронил челюсть на грудь: от КПП к ним шла невысокая широкоплечая женщина с короткими соломенными волосами. Арамис про нее слышал – Кузя, барышня строгая и решительная. Но – барышня.

– Тьфу! – сплюнул Чукча. – Слушай, Моджахед, о таком предупреждать надо. Баба в команде – не к добру.

– Не тебе с ней в паре стоять, – успокоил Моджахед. – А опыта у Кузи, между прочим, поболее, чем у других. И боец она отличный.

– Женщина не может быть отличным бойцом, – наставительно произнес Боров, – это уже или не совсем женщина, или не совсем боец.

– При ней не ляпни, – предупредил Моджахед. – Привет, Кузя!

– Привет, красавчики.

Голос у нее был низкий, с хрипотцой, на вздернутом носике – веснушки, на щеках – ямочки, под стандартным армейским камуфляжем «жаба» угадывалась соблазнительно пышная грудь. Кузя улыбалась, но серые, в коротких рыжеватых ресницах глаза смотрели неожиданно серьезно. Арамис понял, что влюбился и пропал. Влюблялся и пропадал он по десять раз в месяц, поэтому привычное состояние отслеживал безошибочно.

– Хай, – Хантер шагнул вперед, Кузя протянула руку, но Хантер, вместо того чтобы пожать ее, коснулся губами запястья. Девушка покраснела. – Буду счастлив считать вас моей напарником.

– Сочту за честь, – Кузя отвесила шутливый поклон. – Все или ждем кого?

– Все, – кивнул Моджахед. – Сейчас вооружимся и обсудим план операции, а через полтора часа уже будем в Зоне.

Моджахед провел команду в комнату, похожую на школьный класс – парты (правда, на каждой – по ноутбуку), проектор и белый экран, грифельная доска. Расселись по двойкам. Место рядом с Арамисом осталось свободным – Моджахед сел за учительский стол.

– Выкладывайте, у кого что, – скомандовал он. – Недостающее выдадим.

Все явились со своим оружием – по крайней мере, с ножами и пистолетами. Привычный ствол однажды спасет тебе жизнь – потому что ты знаешь, как он лежит в ладони, умеешь

устранять задержки, помнишь его отдачу, достоинства и недостатки. Привычный пистолет не цепляется за кобуру... И доля секунды, потраченная на возню с чужим оружием, может оказаться решающей.

У Хантера был «Дезерт Игл», совершенно фаллический, но донельзя подходящий самому «черту нерусскому», как охарактеризовал его Боров. У самого Борова при себе имелся целый арсенал, но в поясной кобуре стрелок носил банальный «Форт».

– Привычка, – пояснил Боров. – Столько лет он у меня – уже как продолжение руки воспринимается.

Чукча вооружился «Глоком» – довольно распространенной в Зоне семнадцатой моделью.

Немного смущаясь, Арамис выложил на ствол свою «Беретту» и обнаружил, что у Кузи такой же пистолет.

– Зато красиво, – прокомментировал Боров. – Арамис, может, тебе что-то другое подогнать?

– Нет уж. Сам сказал – как продолжение руки.

Артефакты у всех были более-менее одинаковые: лечебные, «облегчалки» и так, по мелочи. Серьезного никто не нес – рассчитывали поживиться хабаром на месте. А вот про аптечки сталкеры дружно «забыли».

– Жмоты, – прокомментировал Моджахед. – Ну как есть – скряги и сквалыги!

– Наемный персонал, – напомнил Арамис, – и вы обещали нас всем необходимым обеспечить.

– Перекись и йодом? Это же армия! Здесь же ничего нет!

– Не верю я ему, – громким шепотом прокомментировал Боров, – и никто не верит, кроме, может быть, Хантера, в силу его происхождения.

– Рррразговорчики! – рявкнул Моджахед. – Ладно. Получите стандартные аптечки, вот такие.

Он отстегнул с рюкзака аптечку и принялся раскладывать на столе содержимое:

– Перекись, антибиотики, от поноса, обезболивающее. Шприцы видите? Тут морфий, это если совсем гаплык. Целокс – на случай артериального кровотечения. Пользоваться все умеют? Нет? Рассказываю: пакетик надорвать, порошок засыпать в рану, поверх – повязку. Кстати, о повязках: вот кат, вот обычный жгут, а это – израильский бандаж. И бинты, понятно. Ну, будем надеяться, не пригодится. Если кто решит морфин просто так кольнуть и прибалдеть – пойдет обратно. И уже без аптечки.

– Давать будут оружие? – спросил Хантер. – Винтовка, ружье, пулемет?

– Гатлинг! – заржал Моджахед. – АК получите. И патроны. Еще вопросы? Может, портянки кому нужны или там сапоги кирзовые?

– Моджахед, – протянула Кузя, – дорогой, что ж ты тут нам жадного прапора изображаешь? Мы же тебя знаем, какая у военсталов снаряга – тоже знаем, а ты про кирзачи втираешь. Будто мы побираться пришли, а не работать.

– Понимаешь, Кузя, – Моджахед ласково улыбнулся – борода раздвинулась, сверкнули белые зубы. – Деньги на операцию выделяют, только если она потенциально прибыльная. А это – не наш случай. Мы идем ловить беглых эков. Так. Переходим ко второй части собрания. Арамис, включи проектор.

Проектор заработал, и на белом экране за спиной Моджахеда появились два фотопортрета. Мужчины, обоим около тридцати. Один – светловолосый, другой – брюнет восточной наружности. Из особых примет – военная форма. Фотографии, видно, из личного дела. Хантер присвистнул, выразив общее настроение.

– Да, – согласился Моджахед. – Военные офицеры. Серьезные ребята. Предположительно вооружены, но и так – опасны.

– А чего их в Зону понесло? – осведомился Боров.

– А вот этого не знаю. Вроде решили здесь укрыться от трибунала.

– За что судили? – спросила Кузя.

– Чего не знаю, того не знаю, не спрашивай. Вроде за убийство мирных жителей. Говорят, целую деревню вырезали... а как на самом деле – поди разберись.

Арамису миссия нравиться перестала. Вот правильно говорят: не связывайся с государством, ничего хорошего не получится. Звали ловить беглых эков, а оказывается – двух офицеров. С выучкой небось получше, чем у всей команды вместе взятой. И ребята, судя по фотографиям, были славные – хорошие такие лица, не тупые, не жестокие... Не станут офицеры похищать сталкеров. Ну ладно, был бы один – можно было бы на помешательство списать, но не вместе же они канныбализмом промышляют.

– Зовут их как? – задал вопрос Чукча.

– Нам не надо, нам и не сказали, – Моджахед отвел взгляд. – Друзья, я все понимаю. И если кто сейчас решил от участия в операции отказаться – я тоже пойму.

Начались переглядывания и перешептывания, но никто не поднялся и не вышел.

– Так вот, – продолжил Моджахед. Кадр на экране сменился – теперь это была карта Зоны. – Наша задача – обнаружить беглых заключенных. Как их зовут, за что судили и прочее – не наши проблемы. Предположительно заключенные прошли через периметр в районе западного КПП, – Моджахед указал на карте, – потом некоторое время двигались по дороге и с нее свернули в лес. Их преследовали наши же. Один из заключенных был ранен, ядовитой лианой ему прилетело. Насчет второго – неизвестно. Судя по следам, заключенные движутся в район Лесопилки.

– Оба одни? – уточнил Хантер, заметил, что его никто не понимает, и переформулировал: – Без проводник?

– Да, без проводника. Предположительно.

– Позволь-ка, красавчик, – поднялась Кузя. – Двое военных, к Зоне отношения не имеют, скрываются в районе Лесопилки уже сколько? День, два, неделю? И до сих пор их считают живыми? И прошли они в Зону на нашем КПП? А потом топали по военсталовской дороге километров пятнадцать? Не верю, как говорил Станиславский.

– За что купил, за то и продаю, – огрызнулся Моджахед. – Слушай, Шерлок, тебя наняли расследование вести или эков ловить?

Кузя надулась, села на место, скрестив руки на груди.

– Значит, если больше никто не хочет блеснуть дедукцией, план действий такой: наша операция – официальная, поэтому зайдем через западный КПП и прогуляемся по дороге на северо-запад. Транспорт нам не дадут, я спрашивал, потому что все время цивилизованно топтать не получится. Далее – сворачиваем еще севернее, к Лесопилке, по следам беглых эков. Следов, понятно, уже нет, но на карту они нанесены. Вопросы по маршруту?

– Никак нет, – отозвался Арамис. – А пожрать нам дадут сегодня?

Моджахед скривился, как от зубной боли, и показал Арамису кулак.

Обедом их все-таки накормили – в столовой части, но отдельно от солдат и, как подозревал Арамис, вкуснее. Хотя гороховый суп был пересолен (и мяса в нем обнаружить не удалось), а в гречке могло бы быть побольше тушенки, но грех было жаловаться. Арамис даже добавки попросил.

После сытного обеда выдвигаться совершенно не хотелось, и Арамису пришлось напомнить себе, что делает это все он ради Сокола, а значит, отступать нельзя. Сонную одурь как рукой сняло. Моджахед выдал отряду боеприпасы и автоматы и повел через территорию части к западному КПП.

Если войти собственно в часть было сравнительно легко, то выйти из нее в Зону – задачка та еще. Сталкеры никогда не пользовались официальными воротами, предпочитали проникать

за Периметр в других местах и другими путями – поэтому сейчас чувствовали себя на экскурсии.

Ближе к Периметру меры безопасности возрастали, и безмятежная воинская часть становилась вполне боеспособным объектом. Сначала – не очень широкая, метров пятнадцать, полоса отчуждения, ограниченная по бокам стенами части. Потом – колючка, видимо, под напряжением, КПП – не те салаги, которых встретил Арамис на входе, а «деды», серьезные и сосредоточенные, или вовсе контрактники. Пролезть через колючку в принципе можно было, но неизвестно, сколько шуму при этом наделаешь и не получишь ли пулю в задницу. Потом – бетонная стена в полтора человеческих роста с «сечкой», запрещенной, между прочим, Женевской конвенцией, поверху. Все серьезно: три вышки, на каждой – пулеметчик. Муха не пролетит, враг не проскользнет. Косые лучи заходящего солнца красили деревянные вышки в багряный, и сооружения навевали мысли не об аномальной Зоне, а о простой уголовной, зоне.

Кстати.

Арамис шел впереди всех, рядом с Моджахедом, напарник по сторонам башкой не крутил – ему все было знакомо, – но вид имел сосредоточенный. Еще бы, не каждый день наемных сталкеров проводят этой дорогой. Расспрашивать Моджахеда Арамис не решился, просто вспомнил слова Кузи. Девочка-то не зря, похоже, сомневалась: Периметр здесь не пройти.

То есть не пройти без знакомств и полезных навыков.

Беглые же офицеры, если верить легенде, проскользнули. Ну чисто Моисей и воды морские! Расступилась колючка, отвернулись часовые, отключилась сигнализация. Помогли беглецам? Или все проще: не здесь они проскользнули?

Если принять второй вариант, смысл экспедиции становится, мягко говоря, сомнительным, понятно и ежу, а уж сталкерам – тем более. И все же никто не отказался. Ладно, Арамис плевать хотел на эков, его задача – найти Сокола. Боров и Чукча хотят срубить бабла и, может быть, несмотря на неприязнь анархистов к «рабам», свести полезные знакомства.

А зачем идет та же Кузя?

И тем более Хантер?

Сейчас и не спросишь, надо дожидаться привала, поговорить наедине.

Постовые у стены проверили документы: Моджахед предъявил удостоверение (что в нем написано, Арамис подглядеть не успел) и большую, с кучей печатей, бумажку, видимо, подтверждающую права остальной команды. Открылись ворота, пропуская. Еще одна полоса отчуждения – и Периметр.

Если до этого Арамис еще сомневался в неправдивости легенды, то сейчас ему все стало понятно.

Периметр строили сразу после появления Зоны. Скорее, не осознавая опасность, а повинаясь советскому рефлексу: непонятное – засекретить, никого не впускать, никого не выпускать. Местные жители, не уехавшие в первые дни, оказались обречены, как жители чумных деревень в Средневековье. Но опять же повинаясь советскому рефлексу, чиновники половину денег, выделенных на Периметр, разворовали.

Вблизи Периметр впечатлял – Великая Китайская стена современности, двое часовых могут пройти бок о бок (у основания стена толще, кверху сужается), высота – метров шесть, колючей проволоки – целые мотки, ворота – бронированные, тараном не возьмешь. Красота. Особенно если не знать, что в паре километров от части стена ниже, потоньше... а кое-где бетона не хватило, и просто протянули проволоку или поставили деревянный забор. Патрули редкие. Кроме того, солдаты тоже хотят есть. И за взятку (если знать, кому давать) пропускают сталкеров.

Нужные контакты налаживались здесь, на Большой земле, в поселках типа Челноков.

Арамис представил двух военных, в чем-то обвиненных и решивших бежать в Зону... ну, сталкеры бы знали. Не через час, так через два все сталкеры Челноков знали бы об этом. И до Лесопилки добраться у офицеров шансов не было.

Ворота непосредственно в Зону напоминали фантастические фильмы, были тяжелыми, толстыми и хорошо охранялись. Снова проверили документы, разве что сетчатку глаз не сличили, и, наконец, распахнули небольшую калитку, предназначенную для отправки в Зону пешей экспедиции.

«Нет уж, – подумал Арамис, – ну их на фиг, бюрократов. Мы лучше – на брюхе, знакомым путем». Не так часто приходится Периметр пересекать, а эта проверка все желание по Зоне пройтись убивает.

Границы устанавливали наугад.

И все же с первых шагов Арамис ощутил Зону.

Еще нависала стена Периметра, еще не стихли голоса постовых – но команда ступила в Зону. Здесь, с самого края, нечего было и рассчитывать найти редкий артефакт, мало было аномалий и мутантов – лишь иногда забредали слепые псы и радиоактивные кабаны, но что-то изменилось, почти неуловимое, не фиксируемое органами чувств, но будоражащее подсознание.

Глубоко, шумно вздохнула и рассмеялась Кузя:

– Ох, Зона-матушка!

Мужчины, не склонные к таким проявлениям чувств, промолчали, но ощутили примерно то же: родное прикосновение немного другого воздуха, будоражащее предвкушение опасности.

Дорога плавно изгибалась – белая, грунтовая, с полоской короткой запыленной травы посередине. Где-то там, на Лесопилке, пропал Сокол и сгнуло множество хороших ребят. Впереди притаились аномалии, ждали добычу мутанты...

Арамис был готов к встрече с ними. Он вытащил пистолет, проверил, есть ли в стволе патрон. Другие сделали то же самое.

– Ну что, сталкеры? – спросил Моджахед. – Готовы? Надерем Зоне задницу, она это любит!

Часа полтора шли хоженными тропами. Понемногу начало смеркаться, птицы расщебетались на сотни голосов, в высокой, по пояс, траве затянул песню сверчок – лениво, еще повесенному. Арамис воспрянул духом и перестал сомневаться, что у него получится отыскать напарника. Появилась уверенность, что он жив.

Пока остальные проверяли путь гайками с белыми, красными, оранжевыми тряпичными хвостами, Арамис присматривался к деталям. До лесопилки часов пять ходу. До темноты добраться туда, скорее всего, не получится, и придется ночевать в охраняемом бункере «рабов».

Небольшой пролесок закончился желтым от цветущей травы полем с алыми латками маков. Недалеко от тропы угадывалась гравитационная аномалия: трава была уложена по часовой стрелке, лепестки маков будто приклеены к земле. Свечи тополей делили поле на две части и отбрасывали длинные закатные тени, а солнце медленно сползало к деревушке, утопленной в буйствующей зелени.

За шуршанием одежды и перешептываньем Арамис не сразу заметил, что Зона притихла: смолкли птицы, больше не стрекотали насекомые, даже комары и слепни попрятались.

У Моджахеда, шедшего в авангарде, тренькнул ПДА. Отстегнув его от пояса, он прочитал сообщение, остановился и витивато выругался.

Возле него тотчас нарисовалась Кузя:

– Что такое?

Бородач пожевал губами, обвел отряд тяжелым взглядом:

– Писец, мужики... и дамы. Отбой тревога. Возвращаемся.

– Твою мать, – Боров сплюнул. – Ты не офигел? Наше время денег стоит.

– Между прочим, да, – подал голос Чукча, многозначительно оглаживая ствол АК.

– Пишут, что перестреляли эков, – сказал Моджахед. – Рекомендуют воздерживаться от посещения Лесопилки.

Настроение Арамиса тотчас испортилось. Отступить от задуманного он не собирался и теперь думал, как бы сагитировать Борова и Чукчу продолжить поход, но без участия «рабов». Темная история с беглыми офицерами нравилась ему все меньше.

Хантер проговорил с деланным сожалением:

– Эта мог бить хорошая охота.

Арамис отлично чувал вранье, и если Моджахед искренне негодовал, потому что рассчитывал получить нехилую прибыль, то Хантер – радовался, хотя и старался это скрыть. Вроде он позиционировал себя вольным сталкером, но Арамис не верил в его легенду: все знали, что на территории Зоны орудуют натовцы. В открытую действовать они не могут, но подкупать, выдавливать, стравливать группировки с помощью агентов – вполне.

– Янки гоу хоум, – проворчал Чукча и стрельнул в Хантера взглядом. – А вот «бить» мне нравится.

Канадец промолчал.

– Уходим, – повторил Моджахед. – Рассчитываю на ваше благоразумие.

– Это ты уходишь в пешее эротическое путешествие, – скривилась Кузя и указала на стремительно темнеющее небо.

Все поняли без слов: скоро будет выброс, и нужно искать укрытие. Здесь, возле Периметра, выбросы не такие злые, как в сердце Зоны, некоторым счастливым, застигнутым врасплох, даже выживать удавалось. Правда, одни повредились рассудком, а другие стали страдать припадками наподобие эпилептических.

Арамис снял с пояса ПДА, глянул на карту:

– До бункера километр пути, если поторопимся, успеем.

– Можно отсидеться в каком-нибудь подвале в деревне, – предложила Кузя. – У меня тут метки в ПДА... В общем, за мной, там есть заброшенное зернохранилище с отличным убежищем.

– Бункер надежней, – почти без акцента проговорил Хантер и требовательно посмотрел на Моджахеда, тот, видимо, намека не понял:

– Ага, знаю зернохранилище. Давай туда.

Арамису подумалось, что Хантер решением недоволен, но по каким-то причинам не смеет возражать. И вообще, Хантер ведет себя так, будто он что-то знает, но недоговаривает.

Проверяя путь гайками, Кузя устремилась к деревне прямо через поле, рассекая желтые цветы, как маленький корабль – волны. Небо впереди наливалось краснотой, появился характерный едва различимый звон. Словно ток бежит, но не по проводам, а по воздуху. Ощущение были, как перед грозой: такая же гнетущая тишина, так же все живое стремится в укрытия, пробуждаются инстинкты и вопят: «Беги, спасайся, грядет беда». И, невольно пригибаясь к земле, будто тяжелое небо способно обрушиться, люди бегут, гонимые первобытным страхом, как лесные звери – от надвигающейся стены огня.

Обычно в деревнях прячутся мутанты, но сейчас их можно не опасаться. Выскочили на крайнюю улицу, по грунтовке рванули мимо домов, окруженных непролазными зарослями вишен и малинника, мимо покосившихся сараев и ржавых ворот гаражей.

Вдалеке замаячила бетонная стена ангара с проржавевшей, но еще целой крышей. Начало ломить кости, мозг словно превратился в ртуть – мысли перекачивались лениво, решения давались с трудом.

Первой ворот достигла Кузя, ударила их ногой и отскочила в сторону: они не открылись. Боров решил, что в девушке мало массы, и навалился на створки всем своим немалым весом,

но и у него ничего не получилось, как он ни кряхтел. Арамис попытался помочь, но сообразил, что ворота заперты изнутри, затарабанил в них:

– Откройте, вашу мать, мы ж тут передохнем!

Но ответа не последовало: то ли окопавшиеся там сталкеры не слышали стук, то ли попросту не хотели рисковать.

– Точно изнутри заперты? – спросил Чукча, щурясь еще больше и потирая висок.

– Ну да, – кивнула Кузя. – Видишь, они внутрь открываются, а замка нет.

– Не по-человечески, – пророкотал Боров. – Узнаю, кто крысятничает – шкуру спущу.

Арамис зашагал к домам, благо, они были недалеко, и крикнул на ходу:

– Возвращаемся и ищем убежище в деревне. Разбиваемся на пары, кто найдет что-то подходящее, зовет остальных.

Рядом пыхтел красный, потный Боров, и во взгляде его читалась ненависть.

Арамису в напарники досталась Кузя, но радоваться сему факту не было ни времени, ни возможности. Девушка выхватила такую же, как у него, «Беретту», выбежала во двор, перепрыгнула через наполовину сгнившую детскую коляску.

Погреб стоял особняком: строение в человеческий рост со шерботой деревянной дверью, со скошенной бетонной крышей, уходящей в землю. Кузя метнулась к входу, прижалась к стене.

– «Женщина вперед» тут не прокатит, – улыбнулась она, пропуская Арамиса внутрь. Скинув рюкзак, он нацепил налобный фонарик и, пригибаясь, сбегал по ступенькам.

Арамис бросил взгляд на небо, где в наступающей кроваво-красной мгле клубились синие молнии.

Подвал был небольшой, три на три метра, но, слава богу, располагался достаточно глубоко – когда Арамис спустился, перестало ломить кости, звон стих.

Луч фонаря прополз по стенам, по покосившимся полкам, бутылкам со вздувшимися крышками, ящикам, где что-то гнило.

– Чисто, – крикнул он. – Сюда выброс почти не добивает. Зови всех.

Донесся ее звонкий голос, затопали по ступеням берцы, и вскоре она спустилась, волоча рюкзак – свой и Арамиса. Он бросился ей помогать.

– Они тоже нашли, где спрятаться, – сказала девушка и чихнула. – Фууф, повезло.

Арамис наконец перевел дыхание и позволил себе порадоваться. Кузя привалилась к стене и направила луч фонаря в лицо Арамиса, он закрыл глаза рукой и отвернулся, улыбаясь.

– Выброс еще не в разгаре, – проговорила Кузя, переходя подальше от выхода. – Нас тут потреплет знатно.

Арамис скривился и потер висок: в голову будто муха залетела и жужжала, жужжала. А потом мир утратил материальность и начал расплываться, распался на миллионы красноватых пикселей. Девушка вскрикнула и невольно придвинулась к нему, он нащупал ее ладонь и сжал, отмечая, что ощущения изменились. Ни разу выброс не заставлял его врасплох.

Тело и мысли словно состояли из тысячи дрожащих ртутных шариков, пространство было плотным, обступало, сжималось кольцом. Во рту горчило, воздух казался тягучим, раскаленным, хотелось зарыться в землю, сунуть голову в ледяную воду.

Есть версия, что во время выброса Зона тасует колоду, перераспределяет карты и заново раздает козыри, по-новому распределяет аномалии, и старые хоженные тропы становятся негодными. Вчера ты был любимцем, а с сегодняшнего дня тебя начинают преследовать неприятности.

Наступил момент, когда казалось, что глаза выдавит из черепной коробки, а барабанные перепонки лопнут. Кузя застонала и прижалась щекой к плечу Арамиса. Он и сам с удовольствием бы к кому-нибудь прильнул – страшно все-таки, когда тебя так колбасит.

А потом мир приобрел привычные очертания, невидимые тиски разжались. Застонав, Кузя потеряла сознание – Арамис успел ее подхватить, чтоб головой о ящик не ударились.

Положил на бетонный пол, а сам сел на корточки и помотал головой, стараясь вытрясти назойливый звон.

– Кажется, пронесло, – сказал он сам себе и похлопал Кузю по щекам. – Подруга, подъем.

К счастью, она открыла глаза, поднялась на локтях и прошептала:

– Девушек бить нехорошо. Разве тебя не учили?

– Не-а, у меня соцпедзапущенность, – парировал он.

Кузя поднялась, держась за стеночку.

– Этот подвал воняет гнилью, как наше несостоявшееся задание, – проговорила она, достала из кармана скомканную сигаретную пачку и протянула Арамису.

Он развернул ее:

– Зачем мне это? Пачка как пачка, «Мальборо». Не курю и тебе не советую.

Кузя прищурилась:

– А ты получше на нее посмотри. Ничего странного не видишь? Обрати внимание на страну, где сделаны эти сигареты. Ты не таращись так, я ее недалеко от запертого ангара подняла, это тебе первый ключик. Второй потом дам.

Арамис посветил на пачку и присвистнул:

– Мэйд ин Ю Эс Эй. Фига се... Стоп! А вдруг сигареты в «Дьюти фри» купили?

– Всякое возможно, – проговорила Кузя. – Но Хантер очень не хотел в ангар. Он и не особо туда торопился, ты обратил внимание? И сообщение кому-то писал с ПДА.

– Этого не заметил, не до того было.

– Никто не заметил, – пожала плечами она. – И соваться к лесопилке нам не рекомендовали. Теперь складывай фрагменты в картинку и делай выводы.

Арамис вскинул брови:

– Полагаешь, что в ангаре засели натовцы?

– Похоже на то. И возле лесопилки они же. И они же занялись беглыми зэками. Если найти беглецов раньше, то можно узнать много интересного. Наверняка и о сталкерах, пропавших в окрестностях, что-нибудь всплывет.

Не понравилась Арамису ее теория. Если натовцы виновны в исчезновении сталкеров, скорее всего, все пропавшие видели то, что им не положено, а следовательно, подлежали уничтожению. Сокол мертв? В голове не укладывается.

– Какой твой интерес в этом деле? – спросил Арамис.

Кузя дернула плечом:

– Шкурный. Мне нужно знать правду, как и тебе, потому и делюсь с тобой, а не с кем-то еще. И если мы не пойдем сейчас по горячим следам, потом будет поздно.

– Согласен, – кивнул он и остолбенел, пораженный догадкой, какая роль в команде отведена Хантеру: он чистильщик. Если сталкеры узнают лишнее, то он устранил их. – Чертовы американцы, в нашей Зоне, как у себя дома, – он воровато огляделся. – Предлагаю потеряться, пока остальные от выброса не отошли.

Она мотнула головой:

– Не, опасно. Давай я закачу истерику, что время-деньги пропали, предложу куда-нибудь пойти за артами – в сторону, противоположную начальному маршруту. Все откажутся, ты согласишься. Ок?

– Вариант.

С улицы донесся голос Моджахеда:

– Народ, есть кто живой?

– Есть, – отозвалась Кузя и побежала к ступенькам.

«Почему Кузя? – думал Арамис, шагая за ней. – Симпатичная ведь девушка. Надо спросить при случае».

Смеркалось. Тихая после выброса Зона еще не пробудилась. Моджахед и Рыжий стояли на дороге, к ним шагал Боров, следом семеня Чукча. Хантер показался, когда все уже собрались. Остановился в сторонке и скрестил руки на груди. Арамис постарался его не замечать, но невольно все равно поглядывал.

– И че теперь делать? – пророкотал Боров, выпятив толстое, как рюкзак альпиниста, брюхо.

Моджахед развел руками:

– По домам расходиться.

– Да шаз, – возмутилась Кузя, подбоченясь. – Зря, что ли, такой путь проделали? Я, между прочим, по Зоне соскучилась и обратно не собираюсь.

– За базар отвечать надо, – поддакнул Чукча.

– Оружие конфискуем – за моральный ущерб, – сказал Боров, Моджахед собрался было возмутиться, но захлопнул варежку – Боров был взбешен, ноздри его трепетали.

Моджахед аж отступил на два шага.

– Мужики, а давайте посмотрим, кто закрыл ворота ангара, и надерем им задницы! – радостно предложила Кузя.

Хантер занервничал:

– Ви как хочешь, я умирать не собираться.

Ага, попался, гад, за своих боится! Права была Кузя, ой, права.

– Моджахед, что думаешь? – она подмигнула бородачу. – Не по-людски это. Надо знать героев и разнести весть по Зоне. Конфискованное добро поделим, а?

– Дело говоришь, – кивнул он. – Не по-мужски это. Зона должна знать героев.

Ай да молодец девчонка! Грамотно Моджахеда проверяет. «Рабы», похоже, не в курсе, что происходит, если и есть среди них крот, работающий на натовцев, то не здесь. Американцы – чужаки в Зоне и потому держатся на предателях, подкупе и шантаже.

– Ну их козе в трещину, – проговорил Арамис. – А вдруг перестрелка завяжется?

– И я о том же сказал! – поддержал его Хантер.

Кузя выяснила, что ей было нужно, и ломаться не стала:

– Ну и ладно. Короче, назад я не собираюсь, на Лесопилке делать нечего. А вот на Кочки сходил бы. Выброс прошел, там может появиться знатный хабар. Кто со мной?

– Совсем дура? – проговорил Боров с сочувствием. – Сейчас куда ни пойдешь, везде хабар. Так что и мы остаемся. А на Кочки... Там же водится всякое.

– Интуиция – страшная вещь, – она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами. – Кто со мной?

Если бы Арамис не знал ее коварного плана, отказался бы, даже несмотря на то, что девушка ему нравилась. Много лет на Кочках кроме зыбучих болот, мухоморов и агрессивной живности в виде упырей и зомбаков не было ничего интересного. А еще там многие гибнут. И туман был злой, попадешь в такой – неделю будешь круги нарезать, пока с голоду не помрешь или тебя кто-то не сожрет.

– Ждем тебя три дня и заказываем панихиду, – сказал Чукча.

– Ох, мальчики, какие вы нежные!

– Баба дура не потому, что дура, а потому, что баба, – пророкотал Боров ласково.

– У меня это от цвета волос, но ниче, жива, – Кузя сверкнула на Арамиса глазами и облизнулась так, что аж жарко стало.

Пришел момент закосить под влюбленного юнца.

– А пойду, – махнул рукой он, украдкой взглянул на Хантера, тот успокоился и строчил в ПДА сообщения своим коллегам.

– Короче, мужики, пошли мы, – улыбнулась Кузя и взяла Арамиса под руку.

– Куда, дурынды? Здесь бы переночевали, – Боров хохотнул. – Мы мешать не будем.

Моджахед обиженно поджал губы:

– Не узнаю тебя, Кузя. Оставайся лучше с нами, зачем тебе этот щегол?

– Сами виноваты, – осклабился Арамис, с сожалением отмечая, что, скорее всего, ему ничего такого не обломится, он интересуется Кузю с профессиональной точки зрения. – Не фиг было отказываться.

– Хорошо вам провести время, – съязвил Моджахед. – То есть хорошего хабара.

– И вам, мужики, – Арамис махнул им на прощание и зашагал за Кузей.

Ладная она, правильная, попа круглая – видно, что тренируется девка. Наверное, у нее спортивная фигура, упругая, к ней приятно прикасаться. Воображение нарисовало девушку без одежды, и Арамис вздохнул. Он отлично чувствовал, каким девушкам нравится, за кем стоит приударить, а на кого лучше не тратить время. Кузя при всем ее напускном кокетстве и веселости – человек закрытый, расчетливый, если не сказать, опасный.

Через поле шагали осторожно, помечая путь гайками. Кузины гайки были с белыми тряпичными хвостами, Арамиса – с оранжевыми, ему казалось, что так они заметнее в траве. С сорняков, цветущих мелкими желтыми цветами, опадали лепестки и поднималась пыльца, отчего Кузя чихала, зажимая рот ладонью.

– У лесника переночуем? – поинтересовался Арамис, когда приблизились к тополям, разделяющим поле на две части.

– Больше нигде. Но я бы и ночью по лесу побродила: полнолуние, если тучи не набегут, видно будет хорошо.

– Мне тоже не терпится, – сказал Арамис. – Но лучше, когда рассветет: ночью многое ускользнет от взгляда.

– Да, ты прав.

– Может, посидим немного в засаде, подождем, кто из ангара выйдет? Чтобы убедиться, что там действительно натовцы.

Кузя мотнула головой, пригладила волосы. Они были настолько густыми, что при довольно приличной длине стояли «ёжиком».

– У них ИК-датчики и датчики движения. Я и так знаю, что это они, да и ты убедился, что они там, иначе Хантер так их не прикрывал бы. Прямо жаворонком раненым прикинулся, который уводит опасность от птенцов.

Обогнув заросли шиповника, зашагали по полю, теперь Арамис был в авангарде и швырял гайки. Солнце уже спряталось, краски поблекли, и алые пятна маков выглядели неряшливо. Арамис все время напоминал себе, что сюрприз в виде аномалии может скрываться за ближайшим кустом.

Он не ошибся: прямо перед березовой рощей гайка растревожила «молнию», аномалия затрещала, заискрилась множеством голубоватых разрядов по границе. У ее основания налился световой сгусток и выстрелил в гайку. Аномалия разрядилась, оставив дымящуюся проплешину в траве.

Швырнув еще гайку и убедившись, что ничего ему не угрожает, Арамис принялся шарить руками по земле, но артефактов не обнаружил.

– Пустая, – вздохнула Кузя. – Нужно некоторое время, наверное, чтоб они зародились. Теперь будет попадаться много пустых аномалий, – на карту в ПДА она нанесла отметку.

– Зато, если смотреть под ноги, можно найти арты, которые остались от старых. Они ведь у тебя помечены, да?

– Потом будем защечные мешки набивать. Прежде с натовцами разобраться надо.

Арамис не удержался от вопроса:

– У тебя тоже кто-то пропал, и ты подозреваешь натовцев?

– Не важно. И не спрашивай больше. Главное, наши векторы движения совпадают.

Да уж, совпадают настолько, что Арамиса пугало влечение к этой девушке. С ней было легко, будто сто лет знакомы, словно в одной стае бегали. Стоп, романтическую чушь – прыщавым юнцам. Может, у нее любимый на лесопилке сгинул.

Мутанты и обитатели Зоны еще не отошли от выброса, и было тихо. Часа два они будут раскачиваться – как раз хватит времени, чтобы добраться к домику лесника.

Шли молча, бросая перед собой гайки, и путь преодолели без приключений. Похоже, сегодняшний день исчерпал неприятные сюрпризы.

Хижина находилась в малиннике, к ней вела протоптанная тропка. Деревянный домик лесника – популярный перевалочный пункт, и потому за ним следили, чинили крышу, окна забили железками, поставили железную дверь, чтоб мутанты не прорвались. Арамис сам пару раз тут ночевал.

Ключ от двери хранился в щели между ступенями.

Внутри домика было две комнаты, по четыре кровати в каждой – старинных, панцирных, застеленных старыми одеялами, пахнущими сыростью. Выбрали «номер» со столом и стульями из огромных пней. Кузя закрыла за собой дверь на ключ, и сразу же стало темно. Девушка щелкнула зажигалкой, и затрепетал огонек, высвечивая очертания предметов. На столе Арамис заметил керосинку, зажег ее спичками.

– Надо же, – проговорил он, усаживаясь на пень. – Кто-то ее заправляет, спасибо доброму человеку.

– Это я, – призналась Кузя, снимая рюкзак. – Сяду на пенек, съем пирожок. Будешь?

– Пирожок? – вскинул брови Арамис.

– Можно и его. Вот тебе стишок-«пирожок»: у машины три педали, у пианино – только две, а это значит, в пианино стоит коробка-автомат.

– Ха! Остроумно. А я думал...

– У меня есть, правильно думал, – Кузя положила на стол пакет, развернула его, и запахло домашними жареными пирожками. – Круглые – с мясом, длинные – с яйцами, чтоб смелее быть. Бабушка в дорогу собирала, я ей сказала, что иду в поход с друзьями.

– Передавай ей спасибо. Ммм, вкуснотища! – проговорил Арамис с набитым ртом.

Он домашние пирожки лет пять не ел и поставил отметочку в памяти, что, когда в гости придет очередная дама, надо попросить ее пожарить чего-нибудь вкусного.

– Слушай, ты такая симпатичная девушка, и вдруг Кузя. Как тебя зовут? Уж прости, Кузей называть язык не поворачивается.

– Это еще со школы. Фамилия у меня Кузьмина. А поскольку я была мелкая, пакостная и растрепанная, меня называли в честь домовенка.

– Ну а имя? Имя, сестра!

– Марьяна. Да, выпендрились родители.

– Почему же? Мне нравится, – проговорил Арамис, потянулся к пятому пирожку и мысленно приказал себе остановиться, потому что путь к его сердцу отныне был не просто протоптан, а посыпан песочком и выложен плиткой.

– У меня предложение, – сказала Кузя, доставая ПДА. – Ложимся спать, завтра поднимаемся в полпятого и идем на разведку, чтобы никто нам не мешал.

– Согласен, – кивнул Арамис.

Стоило ему подумать о Соколе, и хорошее настроение улетучивалось. Каждый час промедления приближал его смерть.

Подождав, пока Марьяна уляжется, Арамис загасил керосинку, лег и долго ворочался, пытаясь одолеть дурное предчувствие, но большую часть времени оно побеждало. Уснуть удалось к часу ночи, отогнав мысли о Соколе с простреленной грудью, труп которого доедают мутанты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.